

ВЕРА ЧИРКОВА

СЕСТРЫ ТИШИНЫ. ТИХОНЯ

Глава 1

— Демонская тьма!

Едва Змей обнаружил себя стоящим на порталной башне, в его душе вспыхнуло подозрение, что это дядюшка Кирт со своей женой каким-то образом подстроили переход.

Однако уже через пару секунд граф разглядел в предутреннем тумане обступающие башню вершины покрытых снегом скал, аккуратные высокие каменные перила, охраняющие площадку, и прочную будочку, укрывающую от непогоды вход на лестницу. И только в этот момент Змей с оглушающей ясностью понял: он находится вовсе не на той башне, где стоял вчера вечером. А вслед за этим пониманием в душе вспыхнули обида и боль, а затем и яростное желание что-нибудь порубить. Или кого-то выпороть.

Хотя нет... хвала святым, до такого он никогда не опускался и не опустится. Просто молча протянет руку и будет ждать, пока она сама догадается, что нужно в нее положить. Кольцо с изумрудом, которому до сих пор не везло, то самое, что Змей надел на пальчик глупышки вчера вечером.

Хотя, нужно признаться, Змей испытал огромное облегчение, когда не так уж давно фамильная драгоценность вернулась к нему вместе с прощальным письмом Фиалонны, привезенная ее секретарем. И граф вовсе не собирается расстраиваться, если кольцо вернется к нему в очередной раз. Обидно другое, Змей почти поверил, что оно наконец-то нашло свою настоящую хозяйку! И как только хитрая монашка сумела так задурить голову, самому теперь смешно!

Лестница, по которой Змей, едва не рыча от злости и нетерпения, торопливо бежал вниз, закончилась небольшой комнаткой, из которой вели неизвестно куда две двери, и граф на миг приостановился, решая, куда пойти. В этот момент, с такой точностью, словно кто-то ожидал его появления, в стене открылась третья, потайная дверца, и знакомый голос мягко сказал:

— Входи сюда.

— Но ведь в ваш монастырь нельзя входить мужчинам?! — мгновенно узнав голос, едко процедил граф, протискиваясь тем не менее в дверцу.

— А мы не в монастыре, а в порталной башне, — спокойно ответила настоятельница, снимая салфетку со стоящего на столе подноса. — А все башни, как ты знаешь, принадлежат магам почтовой гильдии. Садись.

— Не хочу, — непримиримо поджал губы Змей. — Дайте мне портал до столицы, я верну такой же, как только доберусь до банка.

— Не дам, — спокойно сообщила матушка Тмирна, поднимая со сковороды крышку, — и могу объяснить почему. Мне пришлось сегодня на полчаса раньше разбудить девочку-кухарку и самой резать мясо, дабы некий господин получил на завтрак именно те блюда, какие любит. И потом ждать его тут, вместо того чтобы еще немного понежиться под одеялом! А теперь он возьмет портал и куда-то побежит?! Даже не прочитав письма, ради которого другая девочка тоже вылезла из-под одеяла на полчаса раньше?!

Змею очень хотелось сказать, пусть бы она лучше так и лежала под тем одеялом, а не писала писем с указаниями, чем его кормить.

Но тут он вовремя вспомнил пункт контракта, который гласил: выполняющие работу сестры Тишины не заводят ни дружеских, ни любовных отношений и не оказывают

никаких услуг личного свойства. И сообразил, что едва не выдал глупышку ее начальству, а это было бы подло, несмотря на то, как она поступила с ним самим.

И поэтому, хмурясь и всячески показывая свое презрительное отношение к наглому шантажу, Дагорд прошел к столу и небрежно присел на стул. И тут же обнаружил перед собой полную тарелку еще горячих румяных кусков мяса, мисочку с солеными грибочками и огурчиками под сметаной, кружку с крепким чаем, в котором плавал ломтик лимона... и горькая обида вонзилась в сердце с новой силой.

Вот почему Эста решила, что он не сообразит, для чего она с утра первым делом отправила настоятельнице точные распоряжения насчет завтрака? Ведь ясно же, заранее просчитала, как зол и оскорблен будет Змей. Значит, хотела этой едой немного примирить его со своим поступком. Потому и подумала про все: и что он любит на завтрак, и как отреагирует на Тмирну. Не подумала только об одном, как ему после случившегося жить рядом с ней, если всегда будет жечь душу воспоминание о том, как он спокойно ел мясо, пока над его женщиной издевались враги.

Ну разве он подал ей повод считать себя бесчувственным эгоистом? И как после этого поверить другой женщине, если даже справедливая и ответственная тихоня так жестоко обманула при первой же возможности?

— Дай письмо, — отодвинув тарелку с мясом, к которому так и не смог притронуться, глухо произнес Змей и одарил Тмирну таким пронзительным взглядом, что настоятельница молча достала из кармана тоненькую трубочку записки и протянула ему.

«Зайчик, — прочел Змей и невольно презрительно скривил губы. Он ей больше не зайчик! — Я знаю, что скоро совершу непростительный поступок, иным его нельзя назвать. Но я вдруг поняла, мне легче перенести твой гнев и лишиться твоего кольца, чем узнать, что по моей вине с тобой произошла беда. Этого я не переживу. Прости. Пока еще твоя глупышка».

— Демонская сила! Ну почему ты не научила ее, Тмирна, что мужчинам тоже можно доверять? Хоть иногда?! И вдвоем значительно легче отбиться, чем в одиночку? Там же сейчас очень опасно... и они меня узнали, не могли не узнать!

— Да научили мы ее, всему научили. — Монахиня поймала вскочившего со стула графа за рукав и почти силой усадила назад, начиная осторожно и умело растирать его шею и закаменевшие плечи. — Двенадцать лет учили, почти с того дня, как Эста с матушкой сюда пришли. Но матушки ее уже нет, почти два года, тут и похоронена, не дожидая до амнистии. А Эста ведь очень способная и умеет больше других. Только не нужно думать, что все сестры Тишины учатся быть глупышками и тихонями. Такая работа далеко не каждой по силам или по уму, в этом, как во всяком деле, талант нужен. А о том, чтобы у тихонь была возможность выжить, если попадут в руки врагов или в незнакомое место, мы заботимся заранее. Готовим зелья и хитрые приспособления, делаем особые наряды и вещицы.

Не переставая потирать еще скованные напряжением плечи гостя и мягко рассказывать про такие вещи, о каких и не подозревало большинство их клиентов, Тмирна, словно невзначай, подвинула Змею тарелку и сунула в руку вилку.

— Ты поешь, поешь. Сейчас все обговорим и решим, как действовать дальше, да пойдем в столицу, там тебе не до завтрака будет. А я пока чайку выпью и пару писем напишу... похоже, нам помощь понадобится.

— Тмирна! — Съев несколько кусочков мяса, Змей вспомнил слова Эсты и снова отложил вилку. — Она сказала, что намерена несколько дней сама там разбираться. Но в тот момент, когда Эста писала письмо, она еще и не подозревала, что эти люди меня хорошо знают. Они раньше служили в том поместье, где позже Олтерн держал жену. А

потом уволились, будто бы по старости. Но они и сейчас еще очень бодрые, я следил, как Кирт спускался по лестнице. Чуть ли не вприпрыжку. Вот только вспомнил я про них лишь утром. Во сне они мне приснились.

К этому моменту его обида никуда не исчезла и не стала слабее. Зато одно Змей понял ясно, обижаться нужно не на его глупышку, а вот на этих покореженных жизнью монашек, которые сделали из девушки шпионку-одиночку. Ловкую и сообразительную, но совершенно не умеющую работать в паре даже с человеком, которому можно доверять до конца. Это они тренировали ее так, чтобы она полагалась только на свои собственные умения, не делилась с напарником ни замыслами, ни подозрениями и отодвигала его за себя, если видела приближающуюся опасность. И ведь как ловко все предусмотрела, и капсулу заранее сунула, скорее всего в ножны. Туда он и сам бы положил, достаточно чуть выдвинуть кинжал, и потом, возвращаясь, он обязательно раздавит хрупкую вещицу. Вот теперь ясно, что хрустело, когда он дернул пояс, торопясь вооружиться до прихода стучавших в дверь незнакомцев.

И ведь это не был старый слуга-предатель, запоздало сообразил Змей, тот не стал бы стучать так требовательно, когда еще не подошло оговоренное с вечера время! Это пришли другие люди... скорее всего бандиты, и Эста не могла не услышать издали их шаги, сама говорила, слух у нее, как у зверя. Значит, все-таки выдали его старые знакомцы... и теперь он тоже может сложить два и два.

— Ты вспомнил еще какие-то подробности? — осторожно осведомилась настоятельница, внимательно следившая за выражением его лица.

— Да, — кивнул граф и начал рассказывать, понимая: они сейчас в одной лодке. Но только до тех пор, пока он не вытащит ту самоуверенную шпионку из петли, в которую она добровольно влезла. А вот потом... хотя у него, похоже, будет время спокойно обдумать, как поступить с ней потом.

Через час он закончил рассказ и ответил на два или три десятка таких неожиданных вопросов, что перестал сомневаться, кто именно учил Эсту наблюдательности и умению делать быстрые и зачастую неожиданные, но несомненно верные выводы.

А потом еще полчаса уныло доедал и мясо, и грибочки, и сметану, запивая все это остывшим чаем с лимоном и закусывая вчерашними кексами, в ожидании, пока матушка Тмирна, отправившая за это время с десятков писем, переоденется и выдаст распоряжения своим сестрам где-то в глубинах монастыря.

— Добрый день!

От звука мужского голоса Змей мгновенно вскочил со стула, выхватил кинжал и метнулся в свободный угол между очагом и низким буфетом, сочтя это место в небольшой гостиной самым подходящим для обороны.

— Я свободный целитель, — мягко сообщил старший из мужчин, вошедших в ту же узкую дверцу, что и сам граф, — и пользуюсь башней для отправки своих пациентов.

— О да, — язвительно подтвердил Змей, — войти в монастырь ведь не имеет права ни один мужчина.

— И это непреложная истина, — очень сухо сообщил лекарь, — вы можете убедиться, если попробуете зайти вон туда.

Змей лишь покосился на дверь, в которую ушла Тмирна, и плотнее сжал губы, не хочет он ничего проверять, да и разговаривать на эту тему не имеет никакого желания. Он хочет только оказаться на южной дороге, найти старую охотничью избушку и попасть в полузаброшенную башню, где творятся странные дела.

— А я Маст. — Крепкий мужчина ростом выше среднего и со светлыми волосами строго смотрел на Змея бледно-голубыми глазами.

— Даг, — коротко буркнул Змей, всем своим видом показывая, что ему совершенно не интересны ни целители, ни похожие на наемников незнакомцы с явно выдуманными именами.

— Вот и я. — Дверь приоткрылась, и в комнату проскользнула настоятельница.

Окинула быстрым взглядом целителя и наемника, приветливо им улыбнулась и почти пробежала к Змею.

— Вот тебе плащ, нигде не теряй, а вот сверток с одеждой и пояс с оружием, потом все покажу. Свое оставишь у Олтерна.

— Тмирна, — скептически ухмыльнулся Змей, — тебе не кажется, что поздно делать из меня комедианта? Все равно не получится.

— Никакому делу никогда не поздно учиться, — неожиданно строго отрезала она. — А вас у меня только двое, кому она может доверять. Ты да Маст!

— Что?! — Мужчины одновременно стремительно обернулись и разъяренно уставились друг на друга.

Однако очень скоро до Змея дошло, что встревожился он напрасно. Ведь глупышка с самого первого дня, как вышла из этого монастыря, все время была у него под присмотром. Ну, почти. За те короткие промежутки, когда Дага не было рядом, там был Герт, а к Герту у нее особых чувств никогда не было. Он это успел понять. Поэтому уже через несколько секунд граф изучал смотревшего на него почти с ненавистью блондина более миролюбиво и пристально. И не мог не отметить и чуть более светлую кожу на лице по сравнению с выглядывающей из ворота простой рубашки шей, и почти незаметный след на щеке. Слово от простой царапинки, но как раз на том месте, где, как успел узнать граф, палачи ставили уродующие метки осужденным. И ему сразу припомнилось, пришли они вдвоем, этот таинственный Маст и целитель.

— Тмирна! Объясни, что ты хотела этим сказать? — потребовал Змей, не снимая ладони с рукоятки кинжала.

— То, что сказала. Тебе Эсталис — невеста, а ему — сестра.

— Как это, невеста? — Светловолосый нахмурился, стиснул зубы, заиграл желваками.

— Очень просто, — лукаво улыбнулась настоятельница, и Змей только сейчас сообразил: она сегодня без маски. И чем-то очень похожа на свою личину, только моложе, бледнее и печальнее, — в последнем письме Эста написала, граф аш Феррез предложил ей взять в знак заключения помолвки его фамильное кольцо, и она согласилась.

«А потом выкинула жениха как бестолкового щенка, мешающегося под ногами», — горько усмехнулся Змей и отпустил рукоятку кинжала. Драться с ее братом он не станет ни под каким предлогом.

— Вот как, — переводя пристальный взгляд с матушки на Змея, протянул Арвельд, догадываясь, что не зря монахиня так упорно зовет Лэрнелию монастырским именем и не открывает графу его собственного. Значит, хитроумная сестрица пока ничего не рассказала новоявленному жениху ни про то, кто она на самом деле, ни про то, кто ее братья. Интересно, почему? Не доверяла или не успела? А может, решила проверить на истинность его чувства? Ведь не зря же Змей в последние годы так усердно охотился за весомым приданым?! И тогда ему тоже не стоит рассказывать Змею про себя правды. А еще лучше, если подвернется случай, попытаться немного помочь сестренке с проверкой жениха.

— Так мы идем? — напористо уставился на настоятельницу Дагорд, не понимая, чего она медлит, — ты уже все указания выдала?

— Змей, — подойдя к нему ближе, со вздохом приступила к объяснениям Тмирна, — ты же сам знаешь, тебя трудно забыть, если видел хоть полчаса. А те бандиты везли вас почти весь день, и слуги тоже тебя узнали. С твоей внешностью там появляться нельзя.

— А с чьей можно? — колко осведомился Дагорд. — Хотя погоди, не отвечай. Я уже понял, что ты собираешься меня изуродовать, и заранее на все согласен. Прямо тут начнешь?

— Это моя работа, — неожиданно вступил в разговор целитель, — и лучше пойти в мой кабинет. Это минут на десять, не больше.

— Иди, — кивнула Тмирна, — я подожду. Обещаю.

— У них это серьезно? — дождавшись, пока дверка за ушедшими закроется, тихо спросил Арвельд, — и что это за история с бандитами?

— Ваша светлость, — опустившись в кресло, устало вздохнула монахиня, — вы ведь уже немного знакомы со своей сестрой?! Вернее, с той, кем она стала за эти годы? Вот и скажите, похожа она на пустышку, для которой внешний вид мужчины значительно важнее его привычек, характера и принципов?!

— А какие это у Змея принципы?! — скептически прищурился Арвельд. — Я особых-то не заметил.

— Потому что не туда смотрел, — холодно отрезала Тмирна. — Вам ведь нужно было его из замка выжить, чтобы по старой дружбе не донес Эфройскому, вот и видели в нем врага. А враги, как известно, всегда рыжие, тогда как все друзья — блондины. Вот и не поняли, а ведь он для Герта давно стал не только телохранителем и советником, но и другом, и братом, и отцом. И хотя его самого никто ничему не учил, кроме как мечом да кинжалом махать, да свою грудь за хозяина под стрелы подставлять, Змей для того, чтобы помочь Геверту, изучил и расчеты с торговцами и челядью, и банковские дела на себя взял, и охрану всего замка. Да и столичный особняк у него под надзором. И ни одной девицы, что так падки на знатных господ да горазды на хитрые приемы обольщения, после гибели герцогини к другу не допустил.

— Тмирна, — с изумлением посмотрел на настоятельницу опальный герцог, — если бы я не знал, кто ты, то решил бы, что передо мной сваха.

— И неправильно бы решил, — все так же холодно отозвалась монахиня, — я подобным никогда не занимаюсь. А они и без меня сосватались, судьба так решила. А я еще голову ломала, чего это возле них белобрысый пчелой вьется? Теперь поняла, для эльвов ведь чистые чувства как мед. Мне ваша матушка, светлая была женщина, умирая, поручила ее благословение Эсте перед свадьбой передать... знала, я девочку как родную люблю и ошибки сделать не дам. Вот потому и говорю тебе: не вздумай мешать. Им и так сейчас непросто, оскорбила ведь она его, отправила сюда обманом, как поняла, что слуги узнали в нем бывшего адъютанта Олтерна.

— Как это отправила? — побледнел Арвельд. — Разве они не вместе сюда пришли?!

— Нет. Она там осталась. Вот потому и уходишь ты раньше времени, но это и хорошо, сильно изменить твое лицо не успели. Зато Эста не будет сомневаться.

— А в Змее? Его ведь сейчас тоже изменят?

— Не переживай. Любящая женщина своего любимого за милю по походке узнает, — отмахнулась Тмирна и, услышав за потайной дверкой шаги, поднялась с места, искоса поглядывая на герцога и гадая, не слишком ли много информации вылила на него для первого раза и правильно ли он все рассудит?

Глава 2

— Это со мной, — веско сообщила монахиня стражникам, встречавшим пришедших на порталной площадке замка Эфро, и решительно пошла вперед.

Змей криво ухмыльнулся и первым направился следом за ней, развлекая себя тем, что сможет теперь посмотреть на поведение своих подчиненных и слуг со стороны. Хотя и был почти уверен, челядь еще долго будет ходить по струнке после проведенной им три дня назад чистки. Но должен же он себя хоть чем-то порадовать?

Выходя из расположенного в подвале кабинета, Дагорд не стал смотреть в зеркало, как предлагал целитель. И так поверил, что он мастер высшего класса, еще когда следил за тем, с каким энтузиазмом тот принялся за дело. И уже по тому, как безжалостно посыпались с его собственной головы недавно приведенные Алном в порядок локоны, граф осознал: больше жалеть ему уже не о чем. А когда оставшуюся на голове растительность целитель вымазал чем-то светло-серым и обернул куском полотна, а затем так же рьяно принялся за холеные усы, четко понял, смотреть на результаты этой работы не желает.

На слово верит, что стал неузнаваем.

— Добрый день, матушка Тмирна, — Олтерн в сопровождении верных телохранителей шел им навстречу через пустынный проходной зал, — идем в мой кабинет. Всем, кого ты назвала, я приказал тоже прийти туда. А это кто такие?

— Надежные люди, — твердо заявила монахиня и пристально поглядела на герцога. — Лучше скажи, как продвигается освобождение осужденных?

— Хорошо, почти половину уже отпустили. Ты же знаешь, им нужно отдыхать сутки после того, как вернется память, чтобы прийти в себя.

— Убил бы того, кто придумал такое наказание, — тихо прорычал Маст, и Дагорд согласно кивнул:

— И я.

— Один из советников прадеда нашего короля, — ответила шагавшая впереди монахиня, — и тогда это было признано лучшим выходом. Не нужно строить тюрьмы и тратить деньги на продукты и тюремщиков. Вместо того чтобы запирали человека в клетке — просто запереть в его голове память о его делах, желаниях, имени и статусе.

— А потом он словно просыпается и обнаруживает, что жил так, как никогда бы не позволил себе до потери памяти, — горько выдохнул Арвельд.

— Ну, если бы до потери памяти они были осмотрительнее и не забывали о преданности королю, то их никто бы ее не лишил, — свысока обронил Эфройский.

— Ты не прав сейчас, Олтерн, — ледяным тоном оборвала его нравоучение Тмирна, — и прекрасно это знаешь. Многие получили чрезмерное наказание, можно было назначить им просто штраф или опалу. Я требую, чтобы ты не забывал об этом даже в неофициальных беседах. Иначе перестану помогать.

— Извини. — Герцог отлично помнил про их тайный уговор, заключенный при важных свидетелях, и об обстоятельствах коронации Лоурдена. — Я погорячился. Конечно, в тот момент дознаватели разбирали каждый день по несколько десятков дел, оттого и ошибки.

— Это не ошибки. Это преступление, не меньшее, чем продажа зерна мятежникам. Они старались быстрее отделаться от толп задержанных и не задумывались, что их спешка обернется чьими-то разрушенными жизнями, разбившимся счастьем, потерянной любовью, беспризорными сиротами и морями горя. Все правители всех веков обычно куда-то спешат, решая чужие судьбы: на войну, в поход, на коронацию или на свадьбу. Свои дела ведь всегда важнее чужой боли и горя.

— Тмирна! — Советник уже ругал себя за сорвавшиеся с губ слова, он почти не спал этой ночью, подняв на ноги всех шпионов и ищеек после неожиданного исчезновения Дагорда с тихоней, и очень устал, вот и ляпнул то, что привык говорить много лет, даже не задумываясь над тем, верит ли в это сам. — Прости. Я все знаю и так не думаю, это просто пропажа Змея с Эстой меня так сильно расстроила. Я уже отправил в ту сторону всех агентов и поговорил с магами почтовой гильдии. Хоть и очень неохотно, но они дали мне карту всех башен южной провинции.

— Хорошо, — смилостивилась монахиня, — но больше не забывай об этом. И поставь самых внимательных и сердечных из своих помощников решать имущественные и прочие проблемы освобожденных, сейчас будет много споров и тяжб.

— Поставлю, — вздохнул он, — где бы еще найти таких столько, сколько нужно.

— Возможно, я подскажу, — веско обронила монахиня, и Змей ухмыльнулся.

Вот теперь ему ясно, для чего она вывела Эфройского на этот разговор.

— Обязательно приму все твои рекомендации, — серьезно прищурился Олтерн, явно пришедший к такому же выводу. — А пока прошу сюда.

Слуга, стоявший у дверей, распахнул створки, и Змей вслед за всеми вошел в один из самых любимых кабинетов герцога Эфройского. Повинуясь выразительному взгляду настоятельницы, скромно прошел к диванчику, стоявшему в самом дальнем и плохо освещенном углу. Маст сел с другого края того же диванчика, слишком не приближаясь к недавнему недругу, но и не оставляя его без присмотра.

А Дагорд не особенно присматривался к обещанному ему напарнику, очень надеясь, что им удастся быстро отыскать ту башню и открыть туда портал. Ворваться отрядом, перебить бандитов и вытащить из кладовки или камеры самоуверенную глупышку... в этом месте его мысли путались, и он никак не мог заранее решить, каким тоном будет с ней разговаривать и какие слова скажет. И со все возрастающей досадой понимал, что едва представив себе голубые глаза Эсты и нежный шепот — «зайчик», начинает думать вовсе не о том, как ее ругать или наказывать. Теперь он точно знал, что сильно погорячился, намереваясь отобрать у нее кольцо. Нет, такого она не дождетя, особенно теперь, когда Тмирна всем объявила об этой помолвке. Но вот запереть глупышку в какой-нибудь дальней башне... или увезти в охотничий домик, эдак на полгода... пожалуй, все же постарается.

— Мы проверили все башни, три больше других подходят под ваше описание, — отчитывался в это время один из дознавателей. — Но когда маги открыли туда проходы для отрядов гвардейцев, выяснилось, что две не полностью совпадают с описанием. Одна находится в долинке и с нее видны заросшие лесом ближние холмы, а скалы почти скрыты за ними. А со второй хотя и видны скалы, зато она в центре маленького городка и имеет всего три этажа. А вот попасть на третью башню оказалось невозможно. Маги объяснили, что так бывает, когда в порталном амулете башни кончается магия или кто-то просто вынимает из него накопители.

— Этот кто-то обязательно должен быть магом? — мгновенно задал вопрос Олтерн, и Дагорд согласно кивнул, он тоже хотел спросить именно это, хотя давно знал, как и все, что маги почтовой гильдии не терпят, когда кто-то вмешивается в их работу или требует чего-то особенного. И даже не допускал до этого времени мысли, что кто-то захочет лезть в порталный амулет, запертый в ларце, вмурованном посередине каждой порталной площадки.

— Они не желали отвечать, пришлось показать королевский договор. Вот после этого объяснили: иногда клиенты пытаются самостоятельно менять накопители, и с такими

гильдия ведет непримиримую борьбу, — обстоятельно доложил сыщик, поднимая на герцога взгляд воспаленных от бессонницы глаз.

— Значит, пусть проверят, не произошло ли такое самоуправство на той башне, и откроют нам на нее проход, — резко скомандовал герцог.

— Они уже пытаются, — удрученно произнес Наерс, сидевший до этого момента молча, исподтишка присматриваясь к приведенным монахиной людям.

Кого-то они напоминали имевшему отличную память на лица старшему дознавателю, хотя если бы потребовалось в этом поклясться, он скорее всего признался бы, что ошибся.

— Какая из башен ближе всех к той, упомянутой? — спросила настоятельница, и Змей подобрался, ему показалось, он угадал смысл ее задумки. Собирается сказать, что нужно перейти туда, купить лошадей и скакать во весь опор. И он уже согласен, хотя это и займет день или два, но быстрее все равно не получится.

— Немедленно выдайте моим людям пеналы, капсулы и большую пирамидку и отправьте их туда, — подтвердила Тмирна. — Если маги найдут другой способ, то мы сможем послать им письмо или капсулы с направлением. И не забудьте выдать денег.

— Может быть, выдать им другую одежду и оружие? — осторожно осведомился один из гвардейских офицеров, с очевидным пренебрежением рассматривая неказистые одеяния наемников, приведенных монахиной. Довольно заурядных, нужно сказать. Оба стрижены коротко, так что волосы лишь прикрывают уши, обоим хорошо за тридцать. Хотя плечистый и загорелый блондин явно помоложе. У темноволосого уже седина густо пробилась в пряди, неровно свисающие на виски и лоб, а опаленные брови и неопрятные усы говорят о том, что он недавно попал в потасовку или после лишней кружки вина повстречался в кабаке с очагом. А может, и с факелом ночного стражника, каких нанимают жители небогатых городков и поселков. Да и взгляд у него нехорошо мрачный, и эту мрачность подчеркивают глубокие морщины, прорезавшие переносицу и протянувшиеся от крыльев носа к подбородку.

— Не нужно одежду, — тихо сообщила Тмирна, — и так сойдет.

Змей снова едко ухмыльнулся, пока он сидел у целителя и потом наспех переодевался в его мыльне, успел оценить и удобство потайных карманов, и качество теплой подкладки неказистой куртки и плаща. И еще некоторые важные детали, вроде спрятанных в самых неожиданных местах иголок, пилочек и спиц, которые любезно показал ему хозяин подземного лазарета.

— Тогда я сейчас все выдам, идите за мной, — поднялся с места Наерс и направился к двери.

— До встречи, — кивнула напарникам Тмирна, и они, дружно поднявшись с диванчика, молча покинули кабинет.

Гадать, для чего монахиня развела такую таинственность, не желал ни один из них, по разным причинам. Арвельд пока не очень доверял Олтерну и его людям, а в памяти Змея еще очень живо было предательство старых слуг. Хотя он и не мог припомнить, обидел ли их когда грубым словом или каким-то действием, и предпочитал думать, что они просто получают слишком хорошее жалованье на новом месте и потому так им дорожат.

По коридорам и залам до знакомой Дагорду комнаты, где хозяйничал Наерс, странные наемники шли молча. Ничего не сказали и в кабинете, когда, выдав все необходимое, дознаватель попытался осторожно задать самые обычные вопросы, хватит ли им денег и знают ли они, как пользоваться пирамидкой. Только кивали, рассовывая все по карманам. И Наерс делал вид, что вполне удовлетворен таким общением, хотя его профессиональное любопытство просто коржило от недостатка сведений.

И только когда седой наемник, видимо сообразив, что они будут подозрительно выглядеть без дорожных мешков, но со шкатулкой в руках, уверенно направился в сторону кладовушки, в которой старший дознаватель хранил дорожные вещи и оружие для своих агентов, Наерс не выдержал.

— Скажите, что вам нужно, и я принесу... — Слова замерли у него на губах, когда наемник, откинув со лба неровные, словно обгрызенные пряди, окинул дознавателя таким знакомо-насмешливым взглядом темно-серых глаз, казавшихся в тени челки почти черными. — Дагорд?!

— Нет, — ответил наемник голосом Змея, — не знаю такого.

— Но вы же... — Дознаватель захлопнул рот, сообразив, наконец, что вовсе не зря его командир ходит тут в каком-то сером тряпье, и поспешно полез отпираться ящик стола, где хранил самые ценные амулеты и вещицы. — Вот, особые зелья, все, что написано, действует наоборот. А вот еще деньги, чтобы хватило на лучших лошадей и седла.

— Вот так всегда и выдавай тем, кого приводит Тмирна, — строго произнес граф, бросая своему напарнику один из мешков, — и дай на всякий случай еще одну пирамидку, хоть малую.

— Большую дам, — понимающе кивнул Наерс, выдвигая другой ящик стола. И уже через пару минут торопливо шел впереди снова молчащих наемников, провожая их к портальной башне.

— Верни-иссь... — еще звенел под сводами башни тоскливый, полный горя крик девчонки, а один из стоящих в коридоре мужчин, невысокий и стройный, уже опомнился и отдал категоричный приказ:

— Немедленно все собираем и уходим. Кэнк, запасной план. Самир, если она не заткнется и не захочет идти добровольно, дайте ей успокаивающего. — Но Эста уже молчала, нарочито изумленно тараща глаза на главаря, раздававшего жесткие приказы мелодичным женским голосом.

— Быстро иди за мной! — рявкнул на девушку плечистый мужчина, но она сначала бросилась к шкафу и схватила плащ, за что ее грубо сцапали за руку и поволокли прочь.

Однако, выведя тихонько всхлипывающую пленницу на улицу, бандит смилостивился, подождал, пока она оденется, и только после этого легко забросил на спину лошади, впереди объемистых тюков с грузом. Глупышке достался только краешек горного седла, более мягкого и широкого, чем седла гвардейцев, зато можно было облокотиться на мешки.

— Говорят, ты на лошади ездить умеешь? — Его насмешливый вопрос показал Эсте, что ничего из той болтовни, какой она вчера кормила бандитов, не прошло мимо их ушей.

И более того, все было записано и передано их госпоже, чье лицо, скрытое за низко надвинутой шляпой и поднятым воротником, тихоне удалось рассмотреть не очень хорошо, но вполне достаточно, чтобы сделать довольно смелые предположения.

— Умею, дяденька, — последний раз всхлипнула тихоня и перехватила покрепче поводья.

Притворно рыдать она, конечно, могла бы и еще, тем более в сердце острой занозой сидело понимание, как именно воспримет ее поступок Змей. Но были две очень важные причины, по которым этого делать не стоило. При все ярче разгорающемся свете нового дня ее личико вскоре можно будет рассмотреть во всех подробностях, и размазавшиеся веснушки наведут бандитов на нежелательные подозрения и догадки. А кроме того, таких суровых и видавших виды женщин, какой показалась девушке атаманша этой банды,

девичьими слезами пронять невозможно, да и все хитрости монашки она разоблачит намного быстрее своих подчиненных.

— Тогда езжай вон за ними, да не вздумай сворачивать или бежать. Здесь безопасная тропа только одна.

— Угу, — кивнула тихоня, хихикая про себя.

Знал бы он, что ее и силой сейчас невозможно заставить свернуть или убежать!

Уверенно направив лошадь вслед за чередой всадников и тяжело нагруженных животных, неторопливо поднимающихся по вьющейся между скал и камней тропке, Эста словно ненароком оглянулась на дом, ставший важной вехой в ее жизни, и с досадой прикусила губу. Дома не было. Крыши, которые она рассмотрела вечером в окно, когда якобы выбирала более удобную спальню, были возведены над старинными руинами, превращая их в стойла для нескольких десятков лошадей и склады с припасами. А то, что было некогда двориком, нынешние хозяева башни превратили в часть дороги, нырившей в ворота с востока, со стороны поросшего лесом ущелья. И сейчас весь дворик был завален узлами, мешками и сундуками, которые крепкие, ловкие мужчины подтаскивали из башни и из складов и грузили на лошадей и редких в королевстве шаргов.

Значит, решили бросить это логово, с сожалением вздохнула девушка, вознося молитву Святой Тишине, чтобы у них хватило ума не поджигать башню после ухода. Никакой выгоды это им не даст, а вот ищейки Олтернана не смогут не заметить столб дыма на фоне заснеженных вершин дальнего хребта.

Ехали бандиты неторопливо, но почти без остановок, да и, как оказалось, останавливаться здесь было негде. Зато на нескольких площадках, бывших немного шире, чем тропа, путников ждали уголки для уединения, отгороженные выложенными из камня стенками, и подвешенные на столбе или просто на вбитом в стену крюке корзины. Проезжая мимо, оттуда можно было взять сверток с едой или фляжку с кисленьким напитком. Эста встречала такую заботу о путниках впервые и не преминула взять и сверток, и фляжку.

В свертке оказался небольшой пышный хлебец, всего с ладонь размером, испеченный не далее как вчера, несколько нетолстых кусочков прикопченной кабанины и маленький круглый овечий сырок, какие обычно хранят в рассоле. Его Эста лишь попробовала, но есть не стала, слишком солоноват. Да и остального скушала только половину, дальше таких корзин вполне могло и не оказаться.

После нескольких часов пути Эсту начало удивлять странное поведение спутников. Необычное тем, что на молодую девушку никто из мужчин не обращал ни малейшего внимания. Упорно не замечали, словно она была невидимкой. Не разговаривали и не окликали, не предлагали еды и ничего не спрашивали. Но осторожные, испытующие взгляды спутников сестра Тишины чувствовала затылком, а подняв руку с неразлучным браслетом, будто бы оправить капюшон плаща, видела их в крошечном зеркальце. И старательно не подавала виду, что знает про эти осторожные, изучающие взгляды, притворяясь неимоверно расстроенной и подавленной разлукой с женихом.

Хотя притворяться особо и не приходилось, тихоня не без оснований предполагала, что жениха у нее скорее всего уже нет. Не такой Змей человек, дабы стерпеть подобное оскорбление. И произошедшее между ними ночью не будет значить для него ровно ничего. Хотя Дагорд был с ней так безупречно нежен и бережен, столько нашептал ласковых слов... Мечтательная улыбка тронула губы монашки, но уже через минуту померкла от невыносимой горечи воспоминания о том, как они со Змеем расстались.

Разумеется, в глубине души Эста очень надеялась уговорить Змея простить ее, во всяком случае, она сделает для этого все возможное и невозможное. Однако сведения,

хранящиеся в секретном сейфе старшей сестры, подтверждали очень категорично: он никогда не возвращается к обманувшим или разочаровавшим его любовницам. И не верить этому у девушки не было никаких оснований, как и считать, что она чем-то лучше всех холеных красавиц, чьи портреты были собраны у настоятельницы в папке с надписью «Граф Дагорд аш Феррез».

Длинный подвесной мост, перекинутый через глубокую пропасть, прогнулся под тяжестью идущего через него каравана и раскачивался от свистящего по ущелью ветра, но никто не паниковал и не отступал. Только с лошадой слезли и шли впереди них, ведя в поводу. Эста тоже молча слезла со своей лошади и храбро подступила к выбеленным солнцем и дождями и вытертым не одной сотней ног дощечкам моста, явно сделанного контрабандистами. Зная наверняка, протестовать бесполезно. Не пойдешь сама, повезут в виде тюка на спине лошади, а это намного хуже с точки зрения безопасности. Лошадь может испугаться или поскользнуться, и у нее нет рук, чтобы ухватиться за веревочные перила.

— Если боишься, иди следом за мной. — Откуда появилась атаманша, монашка не заметила.

Решив оставить на потом выяснение, кто из новых спутников остался человеком, а кто стал монстром, Эста просто приказала себе расслабиться и не следить ни за звуками шагов, ни за негромкими приказами.

— Ничего я уже не боюсь, — расстроено вздохнула девушка и ступила на досточку, ведя за собой свою лошадку.

Через мостик Эста шла покорно и понуро, и никто не смог бы заподозрить, что в это время она чутко прислушивается к происходящему за спиной. А захватившая тихоню в плен женщина неотступно следовала за ней. Это могло ничего не значить, просто так совпало, вот только Эсту не один год учили не верить в совпадения, особенно когда они происходят слишком часто. И искать того, кто их подстраивает и кому они выгодны. Вот и теперь, вряд ли атаманша идет следом просто так, но разбираться в куче предположений, почти ничего о ней не зная, Эста не стала. Просто старательно смотрела под ноги, не дай Святая Тишина, попадетса треснутая или сломанная дощечка.

Но тайком поглядывая по сторонам и внимательно прислушиваясь к шагам и тихим словам бандитов, девушка упорно пыталась восстановить в памяти взгляды и слова старых слуг из башни. И хотя Эсту что-то в их поведении все-таки настораживало, тем не менее не вызывало неприязни и отторжения, как откровенное притворство или ложь. Своим чувствам сестра Тишины привыкла доверять, натренированная в специальных играх и ловушках и не раз проверенная интуиция подводила очень редко. И если она молчала сейчас, то наверняка это не они выдали Змея. Даже если и узнали графа каким-то образом, что абсолютно нетрудно, с его-то запоминающейся внешностью.

Сестра Тишины снова поймала себя на том, что ее мысли, сделав круг, невольно вернулись к Дагорду, и грустно усмехнулась. Если он со всеми своими женщинами вел себя так же, как с ней, она может понять, почему они потом так упорно его преследовали. В памяти само возникло вдолбленное сестрами и всегда казавшееся очень правильным утверждение: девушка, бегающая за охладевшим к ней мужчиной, — это невыносимо унылое и смешное зрелище, и Эста не стала сдерживать тяжелый вздох. В конце концов, она сейчас не в зале под пристальными и заинтересованными взглядами придворных, как еще недавно стояла за спиной герцога, и не в кабинете матушки Тмирны, под не менее бдительным присмотром. А шагает по покачивающемуся над пропастью хлипкому мостику,

под свист все усиливающегося осеннего ветра и не питает никакой надежды на быструю встречу со Змеем.

Глава 3

К вечеру, остановившись только один раз на обед в полого поднимающейся лощинке, отряд добрался до места, откуда, казалось, больше нет никакой дороги. Нагромождение рвущихся вверх темных скал перекрывало сузившееся ущелье так надежно, что только свернув в тесную расщелину, Эста сумела рассмотреть темный и узкий, как нора, вход.

Возле него все спешивались и дальше вели коней в поводу. Порядком уставшая девушка по-прежнему молча последовала общему примеру, уже давно сообразив, что спутники рады ее покорности и терпеливости. Беспокоило ее другое, к концу пути Эста поймала на себе не один заинтересованный и оценивающий мужской взгляд, и хотя отлично поняла их значение, больше не намерена была играть в кокетку. Вовсе не для людей такого сорта и не для подобной ситуации эта роль, и привести может только к неприятностям. А их у тихони и так уже было более чем достаточно.

Узкий, неудобный проход привел в небольшую пещеру с расчищенным от камней и немного выровненным полом, где работало несколько десятков мужчин. Разгружали лошадей и уводили в освещенный масляными фонарями проход, который виднелся в самом дальнем углу пещеры, а в другую сторону относили вещи.

— Иди за мной. — Голос атаманши к вечеру приобрел легкую хрипотцу, но не потерял ни капли твердости и властности.

Уже привычно не говоря ни слова, Эста с показной покорностью поплелась следом за женщиной, направившейся в сторону таскавших груз бандитов, тайком приготовившись к самому неожиданному и неприятному повороту в своей судьбе. И намереваясь сделать все, чтобы никому из любителей распорядиться чужими судьбами больше никогда не захотелось этого повторить.

Однако мимо подчиненных хозяйка прошла, даже не замедлив шаг, а свернув за один из выступов, уверенно шагнула в тень. Если бы Эста не слышала отчетливо ее уверенное дыхание и легкие шаги, различимые лишь по шороху одежды и скрипу песка, то непременно остановилась бы, решив, что женщина прошла сквозь магический заслон. Амулеты, способные создавать такую преграду — вещь крайне редкая и дорогая в их нищем на магию королевстве. Хотя не совсем уж невозможная.

Но поскольку заслона все же не оказалось, тихоня спокойно шагнула на едва различимую ступеньку лестницы, привычно запоминая и повторяя рваный ритм. Шесть шагов подряд, крохотная пауза, как будто торопливые ножки атаманши переступили через ступеньку, еще три шага, снова пауза...

Выбор между вероятностью разоблачения и возможностью попасть в ловушку тихоня сделала не колеблясь. Перебрав за время пути в памяти все вопросы, заданные вечером кухаркой, и все слова ее мужа, Эста нашла для себя наиболее правдоподобный ответ, почему бандиты так быстро примчались в башню. Определенно, в поместье Олтерна у них остался доносчик, сумевший прислать сюда отчет, другого объяснения пока не находилось. Да и зачастую самое простое толкование оказывается самым верным.

Ну а раз он написал про Змея, значит, мог написать и про нее, и тогда бандиты с ней сейчас просто играют, как куча матерых котов с несмышленной мышкой. И в таком случае, чем быстрее все раскроется, тем лучше, не придется веселить хозяйку этого логова нагромождением лжи, которую потом самой же придется объяснять.

— Ни одного промаха. — В усталом голосе атаманши, стоявшей на верхней площадке темной и узкой каменной лестницы, слышалось торжество.

Не понять ее было невозможно, но Эста, выбираясь в вырубленную в скале тускло освещенную комнатку с давяще-низким потолком, продолжала упорно молчать. Как бы то ни было, первой раскрывать свои тайны предстоит не ей.

— Молчишь? Ну хорошо, молчи и дальше, но учти, никому твое молчание пользы не принесет. — Женщина откинула капюшон плаща и пошла под низкую арку в тесный коридорчик. — Мыльня в конце этого прохода, вода сегодня только холодная. Твоя спальня вторая справа, моя напротив. Как умоешься и устроишься, придешь ко мне, прислужишь за ужином. Поняла?

— Поняла, госпожа, — покорно прошелестела тихоня, направляясь смотреть свою спальню.

Сказать, что комната ее удивила, было бы неверно, именно этого Эста и ждала. Спальня чуть больше тюремной камеры для одиночек, лежанка — просто оставленный не вырубленным камень, потолок едва не задевает голову, и никакого окна. Только из пробитого под потолком отверстия сочится холодный воздух, оседая капельками росы на вездесущей паутине.

Девушка ловко растрясла набитый соломой тюфяк, расстелила грубый кусок кошмы, заменяющий и простыни, и одеяло, и решительно направилась искать мыльню. В то, что они останутся жить в этом каменном каземате, ей упорно не хотелось верить.

— Проходи, быстро ты. — То ли насмешка, то ли похвала прозвучала в голосе атаманши, когда тихоня, вежливо приоткрыв тяжелую и низкую дверцу, спросила разрешения. — Пока еду не принесли, можешь застелить постель.

Эста кивнула и принялась за дело. В этой комнате лежанка была такой же, но поверх камня лежала в несколько слоев кошма и шерстяной тюфяк. И простыни были, хотя и из неотбеленного полотна. Были даже подушки и меховое одеяло. А вот окна здесь также не было, и это укрепило веру тихони в то, что они находятся не в логове, а всего лишь в оборудованном для ночлега месте.

— Можно? — Мужской голос прозвучал очень уверенно, и Эсте стало ясно, спрашивает пришедший просто ради того, чтобы предупредить о своем визите, а не в ожидании разрешения войти.

— Да, — наблюдая за ловкими руками пойманной девчонки из застеленного мехом кресла, устало откликнулась госпожа.

К этому моменту она уже повесила на крюк свой плащ и сменила плотную куртку на мягкую и теплую кофту из нежно-серого пуха, а сапоги на отороченные мехом бархатные ботиночки. И хотя сняла пояс с оружием, зато по-прежнему оставалась в мужских штанах. Вот теперь у Эсты больше не было никаких сомнений, кого она видит перед собой, и она изо всех сил старалась сохранить на лице ровное, безразличное выражение. А ведь еще недавно считала: ничто не способно заставить ее обнаружить свои истинные чувства. Не знала только, как трудно оставаться равнодушным к тому, кто по своей прихоти или злобе исковеркал твою жизнь и жизни всех членов твоей семьи.

Несостоявшаяся королева Леонидия, несмотря на то, что все королевство ее давно похоронило, оказалась живой и здоровой. Хотя и раньше Тмирна и Эста, да и кое-кто еще догадывались об этом, точных сведений не имел никто. И только Олтерн не догадывался, а чувствовал любящим сердцем... хотя, возможно, не только он один.

— Я принес ужин. — Вошедший был плечист и высок и так привычно пригибал голову, проходя под неровным потолком, что Эста могла поклясться Святой Тишиной, по этой комнате он ходит далеко не в первый раз.

— Поставь корзинку на стул, Эста накроет. — В голосе Леонидии звучала легкая ирония, но тихоня успела собраться и не выдала свое удивление ни вздохом.

Пока они не добрались до окончательной цели путешествия и она не разобралась в целях, численности и возможностях этой банды, девушка намерена была выказывать максимум доброжелательности и даже преданности. И пусть они ей не поверят... на проверку и доказательство нужно время.

— Ты уже решила, за кого выдашь ее замуж? — Оставив корзину, где было велено, мужчина придвинул свое кресло к креслу госпожи и поспешил усесться, облегченно вздыхая.

— Пока нет, — так же откровенно ответила Леонидия, — нужно дать девочке время оплакать свою первую любовь.

— Глупость это, — поморщился бандит, — в объятиях мужа быстрее забудет этого бабника.

Надо же, какие все осведомленные, гневно сжала зубы Эста, и заботливые, просто как родственники! Но, несмотря на злость, немудреную посуду и еду расставила по столу с привычной быстротой и сноровкой.

— Подала? Поставь себе тарелку, — приказала Леонидия и, бдительно следя за руками девушки, добавила, — положи всего, что хочешь, и не стесняйся.

Тихоня только ехидно усмехнулась про себя, несостоявшаяся королева даже не представляет, как облегчила ей сейчас понимание своих потаенных опасений и забот. Выходит, она живет в постоянном страхе за свою жизнь, раз так намертво въелась в сознание привычка проверять, не собираются ли ее отравить. Уж если она, даже заехав после трудного многочасового перехода по горным тропам на ночлег в потайное местечко, где почти невозможно подстроить попытку убийства, не забывает об осторожности, значит, для этого имеются достаточно веские причины. И в таком случае у Эсты есть шанс стать очень нужным человеком для беглой королевы. Хотя, теперь ни один суд ее таковой уже не признает, если она вздумает явиться во дворец. Один из прадедов ее бывшего мужа, озверев от капризов своей супруги, издал указ, по которому королева считается разведенной, если без уважительной причины больше недели не ночует в супружеской спальне.

— У, как ты вкусно все разложила, — предсказуемо протянула Леонидия, — я так не смогу. Дай мне эту тарелку, а себе положишь в мою.

— Вот, — протянула ей Эста еду, к которой не торопилась прикасаться и заметила, как почти неприметно напряглись кулаки их сотрапезника. — Господину тоже положить?

— Я сам, — сверкнул он раздраженным взглядом, — положи сначала себе.

Ели они в полной тишине, и по тому, сколько еды принес бандит, которого атаманша звала Кэнк, и как торопливо и без стеснения он ее поглощал, тихоня точно определила, что и ужинают они вместе далеко не в первый раз. Сам собой напрашивался вывод, ночевать Кэнк скорее всего останется тут же. И тогда можно больше не упрекать Олтерна в том, что, мечтая о любимой, герцог в открытую содержал в своем доме полный штат фрейлин.

— Спасибо, — доев, вежливо поблагодарила Эста. — Мне подождать, пока вы поужинаете, или утром прийти?

— А она сообразительная, — запивая мясо белым вином, ухмыльнулся Кэнк, — и из благородных. Видела, как ест? Думаю, как раз подойдет Тижану.

— У нас еще хватает неженатых парней постарше его, — отрезала Леонидия и строго глянула на Эсту. — Иди, отдохай. Утром рано разбужу.

— И дверь не запирай, — ухмыльнулся Кэнк, — возможно, кое-кто захочет тебя утешить.

— Я им утешу, — всерьез разозлилась на него атаманша, — иди, скажи, кто посмеет подняться наверх — будет наказан.

— Да я только сапоги снял, — слишком бурно возмутился бандит, — если ей нужно, пусть сама идет и объявляет.

— Я не пойду объявлять, — кротко сказала Эста, — может сходить тот парень, что стоит за дверью.

— Кто там стоит? — нахмурившись, спросила Леонидия и встала с кресла, намереваясь посмотреть.

— Позвольте, я открою, госпожа? — еле слышно прошелестел вопрос тихони, и атаманша, утвердительно кивнув, опустила на свое место.

И сразу замерла, заинтересованно следя, как девушка уверенно подходит к дверке и резким рывком распахивает ее настежь. Бандит, прислонившийся к двери с той стороны, от неожиданности влетел в комнату и раздосадованно фыркнул, обнаружив себя напротив сверкающей разъяренным взглядом госпожи.

— Что ты делал под дверью моей комнаты, Тижан?

— Так это... — озадаченно замотал кудрявой головой молодой парень, — познакомиться хотел.

— Со мной?! — Голос Леонидии был полон сарказма.

— Нет, с ней. — Еще яростнее закачалась буйная шевелюра.

— Будем знакомы, меня зовут Эста, — кротко улыбнулась тихоня. — И теперь я служу камеристкой вашей госпожи.

— Но...

— Ты слышал? — грозно процедила атаманша. — Иди и передай всем, те, кто наберется наглости подняться наверх, будут строго наказаны. И могут сразу считать себя на завтра песочниками.

Бандит что-то недовольно пробурчал и нехотя покинул комнату, но Эста не закрывала дверь до тех пор, пока его шаги не стихли на лестнице.

— Я могу идти?

— А ты действительно решила стать моей камеристкой? — с неожиданной надеждой посмотрела на нее Леонидия.

— Если в цене сойдемся, — пообещала Эста, и сердито сопевший Кэнк язвительно заухмылялся.

Как видно, торгующиеся женщины были ему более привычны и понятны, в ответ усмехнулась про себя тихоня.

— Хорошо, утром поговорим, иди, — кивнула госпожа на дверь, и сестра Тишины покорно пошла прочь.

Но у самой двери на миг замерла, обернулась и кротко поинтересовалась:

— А если кто-то из ваших людей все же решится... проникнуть в мою спальню, что мне делать?

— Подвинуться, — развеселился бандит.

— Можешь делать все, — разрешила Леонидия, — только не убивай.

— Хорошо, — покорно кивнула девушка и теперь уже ушла окончательно.

Едва открыв дверь в свою каморку, тихоня поняла, здесь ее уже ждут незваные гости. Вот только определить, сколько их, один или больше, пока не могла. Зато дыхание того, который скрывался за выступом камня дальше по коридору, слышала отчетливо, в каменном убежище властвовала почти такая же тишина, как в ее родном монастыре. Девушка улыбнулась невидимой сестре и, не входя в комнату, направилась к тому бандиту, что сидел в засаде.

— Ты куда? — ударил в спину донесшийся из каморки горячий шепот.

— К нему, — не останавливаясь, уверенно сообщила тихоня в ответ.

— А я чем хуже? — Уже знакомый Тижан догнал девушку и схватил за рукав. — Ты не поняла?! Я ведь не играю! А жениться хочу.

— Прямо тут? — задумчиво переспросила Эста.

— Нет, пойдем в твою комнатку, — облапив ее как медведь, объявил парень, и, почувствовав, как прохладная ручка скользнула ему на шею, ухмыльнулся. — Или не терпится?!

Недовольно дернулся, почувствовав легкий укол, отметил, что нужно будет не забыть постричь ногти женошке, и начал тихо сползать по стенке на пол.

— Куда ты меня тянешь, — с притворной обидой проворчала Эста, расслышав, как стоявший в тени бандит шагнул к ним ближе. — Вот все вы такие! Ни цветочка девушке, ни колечка! Сразу обниматься и жениться!

— Я подарю тебе и цветочки, и колечки, — интригуя пообещал верзила низким голосом, надвигаясь на девушку. — Оставь этого молокососа.

— Уже оставила, — сообщила тихоня, — а ты тоже жениться хочешь? И тоже прямо сейчас?

— Ну да, догадливая моя. Идем к тебе.

— Там воздуха маловато, — загадочно объяснила она, крепко вцепившись в схватившую ее за талию руку.

— Полегче, милая, — недовольно цыкнул он, — когтищи-то отрастила!

— Какой нежный, — проворчала Эста, усаживая его рядом с Тижаном, — такой малости потерпеть не мог. Теперь, надеюсь, вам долго жениться не захочется.

В своей комнатке девушка первым делом заперла дверь на засов, проверила его крепость, потом прибавила свет в стоящей на маленьком столике лампе и села писать отчет. Стоявшую возле кровати госпожи высокую шкатулку, в каких хранили большие пирамидки, она не спутала бы ни с чем, даже если не сумела туда заглянуть, пока взбивала подушки.

Отправив пенал, тихоня очень тщательно перебрала и перепрятала свой арсенал, убрав самое ценное в атласный корсет телесного цвета, с которым не расставалась, когда была на работе, даже в купальне. И лишь покончив со всеми делами, перед тем, как устроиться на ночлег на жестком и холодном ложе, отважилась взять в руки единственную оставшуюся на столике вещицу. Старинное кольцо с изумрудом. Некоторое время рассматривала его, пытаясь представить носивших это фамильное украшение женщин и мужчин, угадать, счастье или горе оно им принесло, затем решительно поджала края ободка по своему пальчику и надела на тот, где положено носить кольца замужним женщинам.

Глава 4

— Ну, в чем дело? — подождав, пока стук в дверь превратится в грохот, сестра Тишины откинула засов и стремительно отступила, держа в руках лампу.

— Демонская девка! Как ты додумалась отравить моих воинов?! — мощным рывком распахнув дверь, рявкнул Кэнк и замер, подавившись невольным вскриком. — Пресвятые духи! Это что за нечисть?

В женщине, стоявшей гордо выпрямившись прямо напротив него, не было ровно ничего от вчерашней провинциалки. Ни в одежде, ни в лице. Впрочем, именно лицо он и рассмотрел в первую очередь, и вот оно-то и ввергло верного помощника Леонидии в глубокую оторопь. Никогда раньше он не только не видел такого, но и не мог представить себе девушку, способную добровольно так себя изуродовать. Черные и алые полосы, похожие на раны от острых когтей, капли сочащейся из них крови... только присмотревшись получше, Кэнк понял: все это нарисовано.

Да и одежда, которую он окинул взглядом чуть позже, стала другой, вместо чепчика голову пленницы прикрывала маленькая шляпка, обмотанная вуалью, вместо жакета почти мужская черная куртка, подпоясанная ремнем, с дерзко выставленным напоказ кинжалом, из-под укороченной юбки видны мужские штаны. Непонятно было, где она все это взяла, но еще сильнее стискивала душу тревога, а кого именно они привезли в тайное логово, от которого до их жилища осталось проехать всего несколько часов верхом?

— Не отравила, — ледяным тоном отрезала эта странная девушка, — просто положила поспать... и остыть. А как прикажешь обходиться с насильниками?! Вы ведь не простые разбойники... нетрудно было понять. Так почему начинаете действовать их методами?

— Что здесь происходит? — раздался недовольный голос Леонидии, и Эста тонко усмехнулась.

Девушка и на секунду не поверила, что та не стояла за приоткрытой дверью своей комнаты и не подслушивала.

— Ваш адъютант интересуется, почему его люди спят у меня под порогом, — с ледяной вежливостью пояснила сестра Тишины и скривила губы в едкой усмешке, отчего ее ужасное лицо показалось Кэнку особенно зловещим.

— Кто именно? — Хозяйка отважилась выйти в коридор и рассмотреть мужчин, слаженно похрапывающих, привалившись друг к дружке. — А, Тижан! Я же послала его сделать объявление!

— Он решил начать с моей комнаты, — холодно пояснила Эста, с удовольствием наблюдая, как меняется взгляд Леонидии по мере того, как та осознает, что видит перед собой вовсе не ту девчонку, которая прислуживала ей за ужином.

— А как их разбудить? — Кэнк угрюмо смотрел на пленницу, догадываясь по ее новому облику, сколько неприятностей доставит ему эта перемена.

— Сами скоро проснутся, — сухо пояснила тихоня и, глядя только на Леонидию, добавила: — Госпожа... я принимаю предложение стать вашей компаньонкой.

— Вчера речь шла о камеристке! — едко ухмыльнулся адъютант.

— Или секретарем, — уточнила Эста, — на цену это не повлияет.

— А ты считаешь... — Атаманша на миг запнулась. — Мы договоримся о цене?

— Несомненно. Хотя она и будет очень велика, но жизнь ведь дороже.

— Да разве это жизнь, — с внезапной тоской выдохнула хозяйка, помолчала и, искоса глянув на помрачневшего Кэнка, поправилась: — Но ты права. Я готова платить.

— Значит, сопровождающий секретарь, — окончательно определилась с должностью Эста, — с правами телохранителя.

— Ха! — с ядовитым весельем фыркнул злой, как весенний медведь, Кэнк. — Наглость в ней растет, как тесто на бешеных дрожжах!

— Неверное определение. — Эста больше не желала выражаться, как юная провинциалка. — Не наглость, а уровень взятых на себя обязательств. Как мне вас называть, госпожа?

— Так и называй, «госпожа»! — рыкнул раздосадованный адъютант, уже считавший вчера Тижана устроенным.

— Госпожа Ниди, — тихо произнесла несостоявшаяся королева, — ведь ты меня узнала?

— Разумеется. Потому и взяла этот контракт, что его оплатой смогу закрыть тот, что на мне висит, — одновременно откровенно и туманно объявила Эста и перешла к обыденным вопросам, — где и как мы будем завтракать?

— Сейчас скажу, чтобы принесли еды. — Кэнк дождался от подруги повелительного кивка и почти бегом ринулся к лестнице.

— А мы пока обсудим с тобой оплату. — Скользя неприязненным взглядом по похрапывающим подчиненным, атаманша направилась в свою комнату. — Но не представляю, как ты будешь вывозить отсюда золото. Сама понимаешь, мы не храним деньги в гномьем банке.

— Ну если бы я взяла деньги, то воспользовалась бы вашей пирамидкой для отправки их друзьям, — входя следом за ней и накрепко запирая дверь, твердо пояснила тихоня, — но я намерена взять дом или поместье в придачу к информации.

— К информации?! — Леонидия побледнела и с надеждой глянула на дверь.

— Госпожа Ниди! — с укором уставилась на нее Эста. — Зря вы так испугались! Просто пока еще не знаете последних новостей! А когда узнаете, поймете, ваши секреты имеют какое-то значение всего для двух-трех человек, которые испытывают к вам личный интерес. А всему Ардагскому королевству больше совершенно не интересно, что делает несостоявшаяся жена бывшего короля!

— Последних новостей? — еще больше побледнела та. — Как хорошо, что мы заговорили сейчас! Расскажешь мне немедленно?

— Конечно, — помедлив всего секунду, кивнула Эста и метнулась к двери. — Кэнк идет.

Она успела неслышно отпереть засов и вернуться к столу, когда дверь резко распахнулась, и ворвавшийся адъютант смерил их испытующим взглядом.

— Вот еда.

Тихоня немедленно достала скатерть и расстелила на столе, отметив про себя, что остатки ужина кто-то убрал еще раньше, расставила тарелки и принялась их заполнять, следя краем глаза, как успокоенный Кэнк выглядывает в коридор, проверяя, не проснулись ли его друзья.

— Яда нет, — проведя над миской с политым медом творогом и над еще теплыми лепешками, сообщила она деловито. — Можете кушать спокойно.

— Как ты это определяешь?

— Амулет, — не стала скрывать Эста, — привязан ко мне кровью.

— Дорогая вещь, — подозрительно прищурился Кэнк и вдруг заметил на заветном пальце свежеиспеченного секретаря нагло поблескивающее зеленым камнем кольцо. — А это откуда?!

— Амулет? — подняла делано-непонимающий взгляд Эста. — Это подарок матушки. Которой именно, уточнять она не стала, не его это дело.

— Нет! — свирепея, прикрикнул адъютант. — Кольцо откуда?!

— Это? — Тихоня подняла руку, полюбовалась загадочной игрой света в гранях и широко усмехнулась, намеренно придав своей улыбке вид звериного оскала. — Муж подарил. Фамильное.

— Кто твой муж? — в рыке мужчины звучало что-то затаенное.

— Граф Дагорд аш Феррез, — веско отчеканила она, гордо поглядывая на адъютанта, — или проще, Змей.

— Но разве это он был в башне?! — резко обернувшись, испытующе уставился на свою госпожу Кэнк.

— Конечно, он, — с превосходством ответила за Леонидию сестра Тишины. — А ты кого надеялся увидеть? Ведь кричал же, змей?!

И сама замерла от вспыхнувшей яркой молнией неожиданной догадки.

Пресвятая Тишина! Так вот кто должен был попасть в ту башню! И вот почему там его давно ожидали хорошо знакомые слуги! Ах, как кстати они пришли в поместье герцога все вместе, если бы не предусмотрительность матушки, вряд ли бы ей, Эсте, удалось выполнить второе задание! Ведь после того, как Олтерн оказался бы в разрушенном доме, за его жизнь и самый беспечный игрок на ступенях храма Всех Святых не дал бы жалкого медяка!

— Просто слово у меня такое, — всматриваясь в ее лицо, мирно проворчал Кэнк, — а каким образом Дагорд оказался в поместье герцога?

— По службе, — отрезала девушка, — но больше ничего не спрашивай. Лучше скажи, откуда он тебе знаком?

— Когда-то был кузенком, — саркастически усмехнулся адъютант, — правда, потом мы были по разные стороны передовой. Вроде как врагами стали.

— Кто-то идет, — предупредила Эста и принялась торопливо хозяйничать на столе, разливать горячий отвар, подкладывать на тарелки еду.

— Госпожа, все готово, — доложил пришедший бандит, — лошади нагружены.

— Выступайте, мы уже идем, — скомандовала Леонидия. — А Тижан пришел завтракать? Напомни ему, они с Зартом сегодня песочники.

А едва посыльный ушел, повернулась к тихоне и с мольбой уставилась в ее лицо.

— Ты новости обещала... про короля.

— Король теперь Лоурден, его отец отрекся в пользу сына. И первые два указа, которые молодой король подписал по просьбе отца, были о полной амнистии и о более строгом свадебном ритуале. Каждая невеста и жених должны будут три раза ответить «да» на вопросы, по любви ли они вступают в священный союз, и по своей ли воле.

— Как амнистии?! — неверяще помотал головой Кэнк. — Для всех?

— Да, — чувствуя, как у нее перехватило горло, тихо подтвердила Эста. — Мой отец и брат тоже были осужденными. И даже лишены памяти. А Змею герцог сказал, что уже распорядился привезти его братьев и кузенов. И еще сказал, они были на самой легкой работе, рубили лес.

— И куда Дагорд их поведет? — собирая сумки, мрачно ухмыльнулся бандит. — Поместье разрушено, а у некоторых появились жены и даже дети.

— Поместье ему вернули. Правда, не так давно, но один друг Дага уже несколько лет как выкупил его в аренду и держит там охранников. Змей собирался все восстановить, он на это деньги копил.

— Вот теперь я верю, что ты его жена, — усмехнулся Кэнк, — все знаешь. Не знаешь только одного. Помнишь, вчера мы проезжали длинный подвесной мост через пропасть?

Так вот, то ущелье — граница королевских земель. И сейчас мы уже находимся на чужой территории. А того моста, через который мы все сюда пришли, больше не существует.

— И кому же они принадлежат, эти камни? — деловито поинтересовалась Эста, опуская на лицо вуаль и застегивая пряжки плаща.

Говорить кузену жениха, что она отлично знает очертания не только границ родного королевства, но и всех крупных стран на этом континенте, тихоня считала излишним.

— Лет двести назад здешние места принадлежали гномам, а потом они выгодно продали весь Западный хребет Торемскому ханству. Но торемцы очень скоро поняли, что им эти горы и даром не нужны. Добывать, кроме мрамора и гранита, тут нечего, но возить мрамор по горным тропам не возьмется ни один самоубийца. А железные и медные жилы очень бедны, все значительные гномы выработали сами. Ну а таких самоцветов, как в Геркойских горах, тут и вовсе нет, — шагая по коридору к лестнице, пояснял Кэнк.

Монашка согласно кивнула, все верно, то же самое говорила и сестра Армиса. Но еще она говорила, что после ухода гномов труднодоступные внутренние долинки и высокогорные луга Западного хребта облюбовали беглецы из всех ханств и королевств, да контрабандисты, доставлявшие по местным тропам ювелирам Торема самоцветы из Дройвии. А назад они везли голубые жемчуга Лорейского моря, тончайшие шелковые кружева из Гардена и расшитые дивными узорами Торемские покрывала.

Оседланные лошади ждали их в паре сотен шагов от той пещеры, куда отряд прибыл вечером. К выходу из широкого, но низкого тоннеля идти пришлось пешком, но вот поговорить о серьезных вещах здесь не удалось. Везде сновали бандиты, подтаскивающие последние тюки и заканчивающие приготовления к отъезду, и за пять минут они вылили на Эсту значительно больше заинтересованности, чем досталось ей вчера за весь день. Многие старались подойти к девушке как можно ближе, чтобы рассмотреть ее во всех подробностях, и их озадаченные лица яснее, чем написанное на двери трактира объявление, выдавали всеобщее потрясение.

Сегодняшняя пленница отличалась от вчерашней, как шмель от бабочки, и большинство бандитов искренне жалело, что наивная и веснушчатая селянка сегодня скрыта под непроницаемой вуалью и строгим полумужским костюмом. Но еще больше поражало ее поведение и отношение к ней госпожи и ее верного телохранителя и помощника. Хозяйка почти дружески о чем-то тихо переговаривалась с девчонкой, на которую вчера поглядывала издали с задумчивым интересом.

И конечно, всех нестерпимо интересовало, почему обычно веселый и болтливый Тижан и хозяйственный Зарт мрачны, как зимняя вьюжная ночь, и везут у седел снаряжение песочников.

Эста слышала все шепотки, ловила все взгляды и понимала настроение большинства из нечаянных спутников и их мысли. Не понимала только одного, почему у нее никак не складывается четкое видение взаимосвязи причин и следствия произошедших пятнадцать лет назад событий и происходящего сейчас. Чего-то пока не хватало в объяснениях герцога и в обрывках сведений, полученных от так и не ставшей королевой женщины. И все росла в мозгу девушки уверенность, что именно эта неизвестная пока информация и является главной, и только ее и хватит, чтобы оплатить ее собственный труд и необходимость обмана Змея.

Тропа, вильнув несколько раз между скал и перебравшись через пару подвесных мостиков, значительно более коротких, чем тот, который бандиты сбросили в пропасть, обрубив за прошедшей последней лошадей канаты, внезапно вывернула на сверкающий

на нежарком солнце, гладкий, как лучшее фрезийское зеркало, язык ледника. Он лез из соседнего, более широкого ущелья, подходившего к тропе под углом, и полностью перекрывал путь сильно подтаявшим, скользким катком почти в полтысячи шагов в ширину. И его невозможно было ни обойти, ни миновать никаким иным способом, кроме одного — пройти напрямик.

Вот теперь Эсте стало понятно, что означает название «песочник» и почему оно считается наказанием. Оба ее ночных жениха нацепили на сапоги и накрепко привязали к ним широкие ступни, усеянные снизу острыми шипами, затем повесили на плечи мешки с песком. И осторожно выдвинулись на лед, предварительно посыпая перед собой дорожку смешанным с золой песком. Как вскоре стало девушке понятно, случайно укатиться и погибнуть они не могли, у каждого за пояс была привязана длинная веревка, второй конец которой держали оставшиеся на тропе бандиты. Но все равно работа песочников оказалась очень тяжелой, требовалось осторожно продвигаться по льду вперед и очень тщательно насыпать перед собой дорожку из песка чуть более полушага шириной. Эста прекрасно понимала, как непросто несколько часов, которые потребуются, чтобы закончить прокладку тропы, провести в постоянном напряжении на слепящем глаза льду. Но как ни сочувствовали песочникам сообщники, желающих встать на их место не находилось. Лишь еще один из бандитов, по-видимому, тоже за что-то наказанный, сновал между замершим на последнем каменистом отрезке дорожки отрядом и первопроходцами, поднося им мешки, остальные терпеливо ждали.

— И как долго простоит такая тропа? — заинтересовалась тихоня.

— Ровно один день, — испытующе глянув на нее, веско сообщил Кэнк, — к вечеру она наполнится талой водой, а за ночь замерзнет, сверху, с горных вершин, все время стекает холод. А через несколько дней тропа еще и сдвинется, этот язык все время потихоньку сползает вниз, к бурной речке. Ну а ниже переходить очень неудобно, там пришлось бы в конце подниматься к тропе, и лошадям такое намного тяжелее.

— А почему бы вам не протянуть к той стороне веревку? — задумчиво рассматривая темнеющую напротив низкую, поросшую кустами и кривыми деревцами гору, предложила тихоня.

— Для кого? — усмехнулся один из бандитов, остановившихся неподалеку и бесстыдно подслушивающих чужой разговор. — Для тех, кто пойдет по нашим следам? Нет уж, пусть попробуют, найдут в этих местах песок для тропы.

— Ты думаешь, без песка тут не пройти? — заинтересовалась девушка.

— Конечно, — уверенно ухмыльнулся он и подавился своим смешком, увидев, как странная пленница слезает с лошади.

— Эста! — В голосе Кэнка прозвучала настолько знакомая возмущенная интонация, что девушка не смогла не улыбнуться лукаво.

Все-таки хорошо, что она поверила своей интуиции и была с ним предельно откровенна, когда заметила слишком горячий интерес к кольцу Змея.

— Веревку потом можно будет убрать, — кротко и проникновенно сообщила тихоня, — последним пройдет песочник без груза. Зато по ней можно им передавать песок, и вообще они смогут привязаться. Думаю, тогда мы переправимся намного быстрее.

— Ты куда-то торопишься? — едко ухмыльнулся адъютант, но в его глазах плеснулась острая тревога.

Вот за нее Эста была благодарна ему намного сильнее, чем если бы получила в подарок диадему с лунными камнями. И если бы могла, обязательно рассказала ему, как долго не сходит по весне в окрестностях северного монастыря слежавшийся снег, как

подтаивают вешними днями и к утру замерзают скользким стеклом слежавшиеся кучи снега и притоптанные дорожки. Насколько хорошо нужно уметь по ним ступать и скатываться с пригорков, если не хочешь набить синяков. И как старшие сестры учат младших ходить и по льду, и по каменным уступам, и по перекинутому над пропастью бревну, не уставая приговаривать: там, в большой жизни, никто девочкам-тихоням и глупышкам не приготовил копны соломки, чтобы постелить в каждой ямке.

Хотя сейчас тихоня вполне могла бы спокойно сидеть на коне или на солнечном повороте тропы в ожидании, пока песочники прокладывают путь. Вот только все росло в ее душе беспокойство, металась в поисках выхода интуиция, все чаще повторяя, время сейчас играет вовсе не за тихоню. Там, куда так упорно и обреченно стремилась госпожа Ниди, ждали их неизвестные, скорее всего уже знавшие о смене короля и об амнистии. И трудно было представить, что этот указ мог им понравиться. Ведь, узнав о помиловании, все, кто до времени таился тут, как ее брат в потайных комнатах замка, немедленно захотят вернуться домой. Ну, может, за исключением нескольких человек, кому по душе такая жизнь или просто некуда идти.

И тогда тот, кто построил где-то в недостижимых горных долинах маленькую, но крепкую и надежную страну с преданными и покорными подданными, вмиг окажется охранником ее руин.

— Ну не сидеть же тут полдня? — Девушка достала из кармана моток шелковых нитей, с которым никогда не расставалась.

Если было нужно сделать занятый вид — ловко вязала ажурные шарфики, а если требовалась прочная леска или бечевка, так же уверенно их распускала. Привязав один конец нити к большому обломку камня, тихоня сунула клубок в оставшийся от спрятанных денег Змея и привязанный к поясу пустой кошель и завязала его, оставив лишь щелочку для выходящей нитки.

— Это гарденский шелк, — пояснила напоследок внимательно следившей за нею хозяйке и смело ступила на лед.

Все бандиты, открыто или тайно следившие за ее действиями, смолкли и напряглись, а стоявшие неподалеку торопливо шагнули ближе, готовясь спасти глупую девчонку. Но она шла спокойно и уверенно, как-то очень мягко, словно кошка, ставя ноги. Всего несколько секунд, и девушка обогнала потихоньку продвигающихся по льду песочников. Прошла мимо, даже не повернув головы, и они от изумления замерли, не веря своим глазам.

— А если она не вернется и не станет ждать? — подозрительно проворчал один из бандитов, когда пленница ушла уже шагов на пятьдесят, оставив за собой только паутинку неимоверно крепкой нити.

— Ты предлагаешь выстрелить ей в спину? — холодно осведомился Кэнк, меряя соратника презрительным взглядом.

— Возможно, и стоит, — не сдавался тот.

— Хватит говорить глупости, — резко оборвала этот разговор Леонидия, — собирайте и крепко связывайте самые прочные веревки.

— И сначала самые тонкие, притащить на нити веревку не так легко, — поправил ее указание Кэнк. — Бовин, заберись на камни, найди местечко повыше, где можно надежно закрепить веревку. А потом несколько человек переберутся на ту сторону и помогут ее натянуть.

Бандиты торопливо бросились выполнять его указания, отлично понимая, что он имеет в виду. Такую переправу из нескольких натянутых канатов, за которые можно держаться

при переходе и быстро переправлять грузы, они устраивали в прошлые годы и ходили до новой весны, пока дожди и таявшие снега за ночь не начинали намораживать на веревках неподъемные глыбы льда, рвавшие все в клочья. Но в этом году госпожа почему-то запретила так делать, а после того, как вчера приказала обрубить тросы единственного моста, у многих появилось ощущение, что они беспомощная дичь, убегающая от своры натасканных собак и отряда вооруженных до зубов охотников.

Девушка тем временем ушла так далеко, что ее не достала бы ни одна стрела, и только несколько заинтересованных взглядов не выпускали из виду идущую уверенно, словно по песчаной дорожке, фигурку.

Момент, когда девушка, пошатнувшись и словно падая, взмахнула руками, многие пропустили, но дружный вздох не остался незамеченным, и уже в следующий миг все снова следили, как она идет дальше, все более нетвердо ставя ноги и слегка пошатываясь.

Но даже самые зоркие не рассмотрели, как выскочили из-за камней на противоположном склоне навстречу отважной пленнице мужские фигуры, схватили ее и утащили в тень скал.

Глава 5

В том, что Маст в лошадях разбирается не хуже его самого, Змей понял, едва они, сбжав по лестнице порталной башни, выскочили на рыночную площадь. Лишь мельком окинув взглядом несколько прилавков с готовой снедью и разнообразными продуктами, брат Эсты ринулся в дальний угол, к длинному навесу, под которым продавался различный домашний скот. Шаргов предсказуемо не оказалось, но никто из напарников особо расстраиваться не стал. Хотя они и выносливы и очень удобны в пути, но корма не напасешься. Тем более сейчас, когда ни плодов, ни листьев уже нет. А торбочки овса, как лошади, шаргу на день не хватит. Если бы было больше времени, можно бы поохотиться или поймать рыбу, шарги всеядны. Но напарникам нужно спешить, и так отстали от бандитов, ворвавшихся в башню, на пару часов, и неизвестно, сколько потратят еще, пока до нее доберутся.

Змей уже привычно скрипнул зубами, как делал теперь каждый раз, когда вспоминал свою глупышку. Разумеется, девушка не виновата, просто поступает так, как ее учили много лет. Ни на кого не надеяться, не верить и не ждать помощи, кроме как от своих сестер. О том, что сейчас ей на помощь устремились жених и брат, она вряд ли догадывается.

Этот самый брат вынырнул из толпы, ведя в поводу первого коня, и Дагорд, одобрительно кивнув, принялся подтягивать упряжь под себя, искоса следя взглядом за крепкой фигурой спутника. Мужчина, назвавшийся Мастером, был едва ли намного старше Дагорда, но чуть ниже и коренастее, хотя и сохранялась в его осанке тень былого изящества знатного господина. А налитые силой плечи и мускулистые руки говорили лишь о том, что ему за последние годы пришлось провести больше часов с мечом в руках, а не с пером.

— Вот еще две лошади, — доложил напарник. — Продукты докупать будем?

— Думаю, не стоит, а ты как считаешь? — проверяя спутника, задумчиво проговорил Даг, покосившись на выданные Наерсом дорожные мешки, и получил в ответ утвердительный кивок.

— Предпочитаю доверять в этом вопросе тебе.

Вот же хитрец, усмехался граф, выезжая из городка в южные ворота, так ловко свалил со своих плеч самую хлопотную часть путешествия. Даже не поинтересовавшись, под силу ли это напарнику.

— Маст, — разводя костер, спросил он через несколько часов, когда пришлось остановиться напоить лошадей и дать им немного передохнуть, — а почему ты ничего не спрашиваешь про меня? Тебе неинтересно, за кого выходит замуж твоя сестра?!

— Знаешь, Змей, — приняв из его рук кружку с горячим отваром и задумчиво подув на него, чтобы чуть остудить, как-то нехотя сообщил тот, — мне не хотелось бы сейчас об этом говорить. Я намерен сначала спросить у нее... насколько серьезно это решение и почему она не открыла тебе ни своего, ни моего имени. А тебя я знаю, и намного лучше, чем ты думаешь. Однако еще недавно считал своим недругом... и хотя теперь понимаю, что был не прав, но так сразу проникнуться доверием не могу, уж извини.

Змей долго молчал, и пока запивал чаем подсушенное копченое мясо с плотным дорожным хлебцем, и пока упаковывал мешки и седлал коня.

И лишь выезжая на дорогу, хмуро сообщил:

— Она приняла контракт на тихоню и ведет себя так, как положено тихоне. И у нее просто не было времени ничего мне объяснить... а когда оно появилось, Эста опасалась, что нас подслушивают. Но на самом деле мне все равно, собирается она поведать о своем прошлом или нет. Я сказал это просто для сведения. Король отдал мне фамильное поместье, и там хватит места для всех.

— Спасибо, Даг, и извини. — Арвельду стало стыдно за эту проверку. Не стоило играть в прятки с самым преданным другом Герта, и он намеревался все объяснить, едва они освободят Эсту. Однако воспоминание о почему-то смолчавшей настоятельнице заставляло герцога подозревать некий особый смысл в действиях сестры и крепче сжимать твердые губы.

Старую грушу, от которой нужно было поворачивать к башне, они отыскали лишь к вечеру, и вместе с ней обнаружили очень неожиданный и, непонятно пока, приятный ли сюрприз.

— Это еще кто? — рассмотрев сидящую у дороги беловолосую мужскую фигуру, настороженно придержал коня Маст и схватился за рукоятку привешенного к седлу тяжелого меча.

— Это мой знакомый... — поспешил его успокоить Змей, — вернее, наш общий. Вот только как он сюда попал, понять я не могу.

— Привет, Даг, — спокойно заявил полукровка, едва они приблизились, — это хорошо, что ты взял для меня лошадь.

— Как ты сюда попал?

— Наши тайны долго объяснять, — небрежно обронил Алн, влезая на прихваченную для Эсты лошадь, — сейчас я поеду впереди. Они уже бросили башню и едут на запад, в сторону земель, принадлежавших раньше коротышкам.

— Демон, — помрачнел Маст, — кажется, я догадываюсь, куда они ее везут. Но туда ведут только тропы контрабандистов, и на всех есть ловушки.

— Ваши ловушки нас не тронут. — Алн и в самом деле выехал вперед, но через несколько минут придержал лошадку. — Даг, а еда у тебя есть?

— Конечно, — заторопился Змей, начиная понимать, вовсе неспроста полукровка выглядит сейчас бледным и усталым, — мясо, хлеб, сыр, орехи, чего ты хочешь?

— Всего, только положи в миску или туюсок. Я должен смотреть дорогу, здесь слишком много камня, слои совсем тонкие, — непонятно пожаловался Алн и смолк, полужакрыв глаза.

Лошадка полукровки неторопливо потрусилась вперед по знакомой Змею тропе в сторону гор, и он невольно вспомнил, как они вчера ехали тут с Эстой, привязанные позади бандитов. И как тихоня тараторила всякую ерунду, отвлекая и развлекая плотоядно поглядывавших на нее мужиков. Внезапно острая злость на негодяев, вылавливающих на дороге одиноких путников, удушливой волной окатила Дагорда, и он крепче сжал кулаки, начиная понимать, сегодня Эсте уже не удалось бы удержать его от драки. Какая-то новая грань открылась в душе Змея, и он, никогда ранее не ревновавший своих друзей и никогда не вспоминая о вчерашних приключениях, особенно если они закончились в постели, сегодня готов был убить тех бандитов за жадные взгляды, какими они так нагло ощупывали его глупышку.

— Это хорошо, — тихо забормотал полукровка, — что ты ее вспомнил, подумай еще немного, так легче искать.

— А о чем подумать? — неожиданно даже для себя стушевался Змей, — и кого ты ищешь?

— Эсту, конечно, — невозмутимо отозвался тот и снова прикрыл глаза.

— То есть... — начал понимать граф, — ты специально сюда пришел?

— Даг! — жалобно воззвал тот. — Ты думай про нее, а то они по скалам едут, там слои едва заметные!

— А можно я буду думать? — предложил Маст. — Она мне сестра. Младшая. И единственная.

— Думать ты можешь, — отстраненно сообщил снова прикрывший глаза полуэльв, — но мне это не поможет. Нужна истинная любовь.

— Вот как, — озадаченно проворчал Арвельд, с новым интересом разглядывая Змея, это что же, выходит, у этого кумира придворных дам к Лэни истинная любовь? Вроде он слышал или где-то читал, будто такую только эльвы способны отличить?

А Змей, невидящим взором уставившись на поднимавшиеся перед ними отроги Западного хребта, освещенные заходящим солнцем, горько усмехнулся своей несообразительности. Ведь говорил же нечто такое полукровка и раньше, и он сам знал про эту особенность эльвов лечить собственные беды и разочарования ярким светом истинной любви. Но вот почему-то не сложил вместе все эти сведения, не догадался, отчего полукровка так упорно стремился все время держаться рядом с ним.

И в этот момент Дагорду вдруг четко припомнилось, как Алн сказал о своем намерении пойти туда же, куда отправится она. Сердце неожиданно замерло и сразу же забилось горячо и сильно.

Демон! Так ведь получается, этот белобрысый гад еще там, во дворце, почувствовал любовь глупышки к нему, Змею!

Сто раз демон! И столько же раз кретин он сам, если не сообразил этого сразу же. Хорошо хоть хватило ума вечером предложить ей свое кольцо... и руку, иначе сейчас у него не было бы никакого права отрывать головы наглым похитителям чужих женщин.

— Нет, сейчас мне их не достать, — сказал вдруг Алн и, взяв из миски хлебец, жадно откусил, — но завтра с утра они должны дойти до широкого слоя. А сегодня мы можем дальше не идти, заночевать здесь. Мне нужно отдохнуть.

— Хорошо, — согласился Змей, посмотрев на голубые тени, залегающие вокруг глаз полуэльва, — тут через полмили речка, там есть удобное для стоянки место.

Спорить с ним никто не стал, и вскоре они уже устраивались на ночлег. Маст занялся лошадьми, а Даг костром, радуясь своему решению приоткрыть свое инкогнито Наерсу. Потому-то прижимистый дознаватель и не поспешил ни на магические зажигательные палочки, ни на тонкий и легкий походный шатер, пропитанный не пропускающими воду смолами.

Однако, разведя огонь и поставив на него котелок, Змей обнаружил, что полукровка и не подумал лезть в благородно предложенное ему укрытие. Он вообще устроился так, как не додумался бы ни один знакомый Дагу гвардеец или опытный обозник. Наскоро сжевав все содержимое своей миски, выбрал недалеко от костра самый густой куст, каким-то образом раздвинул его ветви и влез в середину, замотавшись, как в кокон, в свой рыжеватый плащ. И теперь просвечивал сквозь полублетевшие ветви этой рыжиной, словно невиданных размеров тыква.

— Чего это он? — показав глазами на куст, тихо спросил вернувшийся напарник, бросая рядом с костром охапку сухих сучьев.

— Не знаю, — пожал плечами Змей, мелко нарезавший копченое мясо, раз встали на ночевку чуть раньше, можно сварить похлебку, — он всегда действует только так, как считает нужным.

— Счастливый, — подумав, вздохнул Маст, — а вот я почти девять лет действовал по приказам и жил не своей жизнью.

— Ну, тогда тебе еще повезло, некоторые жили чужой жизнью все четырнадцать лет. Даже если не были лишены памяти, — вспомнив Эсту, добавил граф.

— Я решил... вернее, должен тебе кое-что рассказать. — Арвельд закончил ломать сучья и присел на свой брошенный плащ. — И попросить извинения.

— Уже интересно, — насторожился Даг, ссыпал мясо в закипающую воду и взялся за лук, — и хотелось бы подробнее про извинения. Мы ведь никогда раньше не встречались.

— Встречались, — невесело усмехнулся Арвельд, — только я хорошо умею прятаться, вот и делал все, чтобы не попасться тебе на глаза. Это я жил с друзьями в потайных комнатах замка Адер, и это меня прятал Лаутр. Потому Эста и увела меня в монастырь, а знакомый тебе целитель снял со щек шрамы.

— Демон, — всплыло перед глазами Змея видение крепко обнимавшей незнакомца глупышки, и из его сердца выпала острая заноза, про которую он не мог забыть, как ни хотел, — спасибо за откровенность. Я рад... что мне больше не нужно тебя убивать.

— Ого, — присвистнул Арвельд, и глаза его озорно блеснули. — Ну тогда я рад еще больше. Жаль, нельзя как следует отпраздновать эту радость... хотя у меня есть фляжка вина.

— Не стоит, — предостерегающе поднял руку Дагорд, — в этих местах бродит дозор бандитов, которые поймали нас с Эстой.

— И это тоже нужно объяснить, — сразу помрачнел герцог. — они вовсе не бандиты, а такие же беглецы, как я. Хотя и есть среди них несколько случайных людей, примкнувших по личным причинам, но в основном все подчиняются приказам и стараются вести себя по-человечески.

— Ловить девушек на дороге и пытаться сразу затащить в кусты очень человечно, — едко зашипел Змей, — если бы она мне не запретила на них нападать, сейчас не была бы в плену.

— Может, Эста и хотела попасть в плен? — осторожно предположил Арвельд.

— Как ты догадался? — язвительно ухмыльнулся граф, помешивая похлебку. — Конечно, хотела. Почему-то подозревала бывшую жену Олтерна в причастности ко всем этим событиям.

— И была права, — нехотя произнес Арвельд. — А почему Зоралда бывшая жена?

— С недавнего времени она считается покойной. — В глазах Змея мелькнул мстительный огонек. — Документ, подтверждающий это, подписан почти дюжиной надежных свидетелей, мне доподлинно известно.

— Вот как. — Герцог начал понимать, что планы его давних освободителей трещат, как утлая лодчонка в шторм, и не мог этому не радоваться, потому как больше не испытывал ни прежней горячей благодарности, ни желания исполнять данные клятвы.

Хотя и нарушить их не имел никакой возможности, чтобы не упасть в собственных глазах до статуса презренного и неблагодарного клятвоотступника.

Спать напарники договорились по очереди, но, когда доварилась похлебка, из куста вылез Алн, подставил свою миску и, торопливо вычерпав варево, небрежно заявил, что они могут спокойно ложиться отдыхать и не переживать, он принял меры.

Не поверить хоть и нечистокровному, но потомку древнейшего народа не решился ни один из мужчин. Поэтому оба чувствовали себя полными сил и отдохнувшими, когда на рассвете над шатром раздался мелодичный голос полуэльва, распеваящий что-то проникновенно-торжественное.

— Варить еду будем на месте, — едва напарники выбрались из шатра, сообщил он загадочно, — они уже собираются в путь. Я видел большой караван.

— Как мы их догоним? — торопливо собирая вещи, осторожно осведомился Дагорд и получил в ответ снисходительную улыбку.

— У тебя хорошие сны... я полон сил.

— Интересно, — задумчиво произнес себе под нос Маст, — какие такие сны?

— Нормальные сны, — возмутился Змей и в первый раз за много последних лет почувствовал, как у него, словно у подростка, полыхнули огнем уши.

Он отчетливо помнил свой сон, и в нем действительно не было ничего такого... но рассказывать всем его все равно не хотелось. В этом сне Эста сидела за столом напротив него и подкладывала ему на тарелку жареное мясо, как когда-то утром в имении Росалины. А у Змея было так хорошо и тепло на душе, ведь это был Их дом и Их собственная кухня...

— Давайте мне поводья и держитесь крепче, — скомандовал Алн, усевшись на лошадь, и Дагорд беспрекословно выполнил все его указания.

Полукровка далеко не болтун и пустослов и зря ничего говорить не стал бы.

— Можете закрыть глаза, — отстраненно предложил эльв, направив свою лошадь в гущу кустов, — чтобы не тошнило.

Змей и это указание выполнил беспрекословно, успев заметить краем глаза испытующий взгляд напарника. Хотел еще сказать тому, что напрасно он не верит полукровке, но не успел. Все вдруг закружилось вокруг, словно на сумасшедшей

ярмарочной карусели, а потом она сорвалась с места и начала стремительно падать, все ускоряя свое бешеное вращение.

Глава 6

— А-а-ах! — сам сорвался с губ отчаянный вскрик, но под ногами уже была твердая, каменная земля, а меж чахлах кустов, изредка торчавших вокруг ошалело трясущихся коней, скользили плотные клубы холодного тумана.

— Нужно покушать, — тихо прошептал полукровка и мешком свалился с лошади.

— Демон, — емко сообщил свое отношение к такому способу перехода Арвельд и, торопливо спрыгнув на землю, принялся отвязывать от седла вязанку толстых сучьев, прихваченных по совету Ална.

Даг спрыгнул следом, расстелил шатер и одеяла, перенес на них полуэльва, сунул ему в руки хлеб и сыр и достал флягу с вином.

— Налить?

— Лучше воды с медом.

— Сейчас.

Через некоторое время, когда под прикрытием большущего валуна разгорелся костер и начала закипать вода, настороженно оглядывавшийся герцог сообщил, что уходит осмотреть окрестности.

— Не ходи, — слабым голосом остановил его беловолосый, — мы в трехстах шагах от ледника. И Эста уже едет... часа через два будет на той стороне.

— От какого ледника? — ничего не понял Змей, бросил в котелок мясо, накрыл крышкой и поднял взгляд на покорно присевшего напротив напарника. — Ты что-то знаешь?

— Жил здесь, — мрачно признался тот, — когда внезапно возвращается память, для большинства людей это оказывается огромным ударом. У одних появляется желание всех убить, и правых, и виноватых, другим самим жить не хочется. Особенно тем, у кого была невеста или молодая жена.

— У тебя была невеста?

— Милосердные духи миловали. Отец с матушкой уговаривали меня подарить свое кольцо одной девице, но она меня невыносимо раздражала своим высокомерием и умными высказываниями. И хорошо, что не решился на помолвку, сейчас она уже давно и прочно замужем, а мне никого не хочется убивать. Но мы говорили про это место. Если я правильно понимаю, Эсту везут в крепость. Она стоит в долине, за той горой, но была давно заброшена. А теперь там все восстановлено, мастера работали из Торема. И деревня есть, скот разводят, пчел.

— Я правильно понимаю, там хозяйкой — бывшая герцогиня Зоралда? — не выдержал Змей.

— Нет, хозяйка там госпожа Ниди. А про герцогиню я точно не знаю, но однажды подслушал разговор... случайно, разумеется. Так вот, она вроде писала письма Ниди, как я понял, с указаниями. Но вскоре сюда прибыли новички, а нас, тех, кому было где укрыться, отпустили в королевство. Лаутр к тому времени уже работал в замке у Геверта... и он провел нас в закрытую половину.

— Мог бы мне сказать, неужели думал, будто я пойду вас сдавать?

— Прости... но именно так и подумал. Тут есть и твой родственник, он адъютант у госпожи Ниди, и вот он нам сказал, что ты всегда был очень преданным воином. Да мы и сами понимали, если бы Олтерн тебе не доверял, то не отправил бы пасти Герта.

— Вот оно что! И кто же этот родич?!

— Здесь его зовут Кэнк. И мой тебе совет, придумай себе другое имя. Сейчас тебя трудно узнать, а я за тебя поручусь. Скажу, что ты такой же, как мы, только успел вовремя сбежать в Торем. Признаться никогда не поздно, но так безопаснее. И Эсте так легче будет помочь. И о нашем родстве я тоже никому не скажу.

— Хорошо. — Змей пока не думал, как они будут спасать глупышку. А зачем зря тратить время, если ничего не известно?! Ни сколько рядом с ней бандитов, ни что именно она задумала сама? — Зови меня Тао. Это имя легко запомнить, и здесь его не может знать никто.

Через час, поев и спрятав лошадей за грудой камней возле тощих кустиков, маленький отряд обогнул стороной тропу и вышел к леднику.

— И как они собираются его преодолевать?! — скептически осмотрев со склона гладкое, как зеркало, ледяное поле, слегка наклоненное в их сторону, осведомился Змей. — Вряд ли тут можно пройти напрямик!

— А они пройдут, — опроверг его предположение Арвельд, — сначала двое или трое посыпают дорожку песком с золой, а с тропы их держат веревками. А потом осторожно проводят лошадей, и последними идут люди. Обычно все проходит удачно, хотя иногда бывали и несчастные случаи. К вечеру должны переправиться все. Мы останемся ждать здесь? Если стоять в тени камней, то с той стороны нас не заметят.

— Я буду ждать тут, а ты иди, отдохни, — твердо объявил Змей, и Арвельд покосился на будущего зятя с возросшим уважением.

За последние годы он многое повидал и знал теперь жизнь с такой стороны, с какой никогда бы не столкнулся, если бы остался в замке, занимался хозяйственными делами и учился управлять герцогством. И уже давно осознал, значительная часть людей вовсе не думает того, что говорит вслух, и уж тем более никогда так не поступает. Потому и остаются всего лишь громкими словами призывы к благородству, честности, самопожертвованию и состраданию. И тем приятнее найти в мужчине, который скоро станет родственником, редкого человека, у которого обещания не расходятся с поступками.

— Я останусь с тобой. — Герцог постелил на высохшую кочку плащ, сел и задумался.

Как-то раньше он не загадывал, чем будет заниматься, когда рассчитается с долгами чести за возвращенную память. Крутилось в мозгу несколько смутных планов, очаровать состоятельную вдовушку из провинции или уйти в Торем, один знакомый бей звал его управляющим. И разумеется, он даже не мечтал вернуться в замок официальным владельцем, зная, что эта дорога для него закрыта навсегда. Теперь правящим, аш-герцогом, чьи дети будут носить этот титул и иметь право осуществлять власть в Адерском герцогстве, был Геверт, и выкинуть брата с законного и выстраданного места Арвельд считал подлостью. Хотя сам Герт, похоже, был бы искренне рад такому повороту в судьбе. И Эста, кажется, тоже считает правильным, если старший брат вернется. Разумеется, никто из них не потеряет права всегда жить в Адере и называться герцогами без приставки — «аш», которая положена только старшему в роду. А если женятся или выйдут замуж и захотят уйти — то получают один из городских домов и пожизненную ренту или небольшое поместье, каких, как правило, у каждого герцога не одно и не два. Вот только у их семьи переворот отнял большую часть пастбищ и почти все городские дома. Преданным королевским солдатам полагалось вознаграждение, а взимал его король, как обычно, с виновников мятежа и их пособников.

— Змей, а ты случайно не знаешь, как молодой король собирается возвращать имущество бывшим заключенным, если оно уже имеет нового хозяина?!

— Знаю. Будут работать самые рассудительные и опытные судьи и искать в каждом случае свое решение. Ну и Тмирна обещала помочь, — думая о своем, отозвался граф, — вот, например, Геверт поехал за отцом, и еще неизвестно, как тот воспримет известие о смерти жены и дочери. Он же до сих пор ничего не знает. Вряд ли ему сейчас до управления герцогством, сначала нужно отдохнуть и подлечиться.

— Идут, — вдруг коротко объявил Алн.

Вмиг забыв все, о чем они говорили, Змей вскочил на ноги и уставился на скалы, темнеющие по ту сторону поблескивающего на солнце ледника.

Их действительно оказалось много, почти полсотни фигурок всадников и столько же вьючных животных, выезжающих из ущелья и на несколько секунд возникающих четкими силуэтами на фоне восходящего солнца. Затем они остановились под скалой напротив холма, на склоне которого прятались в тени камней Змей с напарником и пришедший вслед за ними полукровка, и некоторое время Дагорду казалось, по ту сторону ледника ничего не происходит. А затем Маст почему-то шепотом сообщил, что начали работать песочники. Вскоре, присмотревшись, Змей и сам увидел, две или три фигурки путников отделились от замершей у края ледяного поля толпы и очень медленно продвигаются в их сторону.

— Похоже, ты прав, они действительно не скоро сюда придут, — понаблюдав несколько минут за еле заметным отсюда движением песочников, разочарованно вздохнул Дагорд, тщетно пытаясь рассмотреть, которая из сидящих на лошадях фигурок — его глупышка.

— Иначе нельзя, — искоса посматривая на хмурого Змея, сочувственно подтвердил Арвельд, — пока песочники не проложат дорожку, никто не двинется с места. Да и потом лошадей сплошной чередой не пускают, если одна поскользнется, может покатиться и как лавиной сбить всех идущих впереди. Может, пойдем все-таки...

Договорить он не успел, Алн, молча стоявший рядом, вдруг вытянул руку в сторону обоза и многозначительно изрек:

— Идет.

— Кто идет? — не понял герцог, присмотрелся пристальнее и заметил, что одна из фигурок движется в их сторону заметно быстрее и увереннее, чем оставшиеся чуть в стороне и позади нее песочники.

— Сумасшедшая, — сквозь зубы яростно процедил Змей, — если упадет, сам выпорю.

— Я тебе помогу, — сообразив, что напарник каким-то образом узнал свою невесту, угрюмо пообещал Арвельд.

Действительно сумасшедшая, солнце поднимается все выше и теряющий ночную изморозь лед становится все более скользким, а она идет как по бархатной дорожке и даже на миг не замедляет шага, проходя через наплывы и трещины.

— Сам справлюсь, — зловеще прорычал Змей, только теперь начиная отчетливо понимать, что истинная любовь — это вовсе не сплошные страстные объятия, как он полагал в юности, и не тот мирный уют, который приснился ему ночью.

Это прежде всего тонкая чувствительная струна, туго натянутая в его душе, которая на каждое действие девчки со смешным прозвищем «глупышка» отзывается незнакомыми прежде волнением и болью. И сейчас прямо по этой струне, легкомысленно помахивая ручкой, приближается к нему легкая фигурка в уже знакомом костюме тихони и с обмотанным плотной серой вуалью лицом. Даже не подозревая, какой болью отзывается в сердце затаившего дыхание Дага каждый ее самоуверенный шаг.

И когда, уже подойдя так близко, что граф начал считать секунды до того момента, как сможет схватить глупышку за руку, Эста вдруг вздрогнула и покачнулась, словно в нее попала стрела или дротик, острая боль пронзила и Змея.

— Демон, — прорычал он и ринулся навстречу глупышке, но белобрысый полукровка перехватил это движение с неожиданной силой и ловкостью.

— Держи! — сунув герцогу в руки его напарника, так уверенно приказал Алн, что Арвельд даже на миг не засомневался в правильности этого распоряжения.

Просто облапил будущего зятя мускулистыми руками и притиснул к себе намертво, словно воришка сундук с сокровищами.

И все время, пока полуэльв решительно и торопливо махал руками и что-то шептал, а чуть покачивающаяся Эста неуверенно брела к краю ледника, стоически держал вырывающегося напарника. Изо всех сил стараясь поворачивать его так, чтобы Дагорд не видел дорожки из алых капель, остающейся за спиной сестры.

Отпустил только в тот миг, когда она вступила в тень скалы, и наперегонки с рычащим от ярости напарником ринулся ей навстречу. И снова их обоих опередил полукровка, схватил девушку за предплечье и торопливо повел к расстеленному на сухой траве плащу Арвельда.

Змей налетел на них ураганом, подхватил монашку на руки, потащил куда-то, сердито сопя.

— Выпороть тебя мало!

— Зайчик... — нежно пробормотала она, и Арвельд, мчавшийся следом, споткнулся от неожиданности.

Чего?! Это кто, Змей, что ли, зайчик? Ну и дела!

— Даг, нужно ее положить сюда, — устало произнес вслед графу Алн, уже усевшийся на плащ. — Я еще не все раны залечил.

— Какие раны? — сделав по инерции еще пару шагов, резко остановился Змей и, чуть отстранившись от крепко притиснутой к груди глупышки, начал ее осматривать. — Демон!

Кровавые разводы, оставшиеся на его ладонях, он разглядел почти одновременно с алой струйкой, стекающей из-под вуали.

— Но откуда? — настороженно озирался герцог. — Никого же близко не видно!

— Я скажу, — кротко пообещал полукровка, невесомо водя руками над девушкой, которую Змей так и не выпустил из рук. Просто сел на камень и сузившимися от боли глазами следил за действиями блондина.

— Зайчик, — как видно, собравшись с силами, снова прошептала Эста, — тут Алн?!

— Да, — замирая от страшного подозрения, хрипло ответил Даг, — и еще твой брат, Маст. Его Тмирна послала. А ты... не видишь?

— Пока нет, — помолчав, виновато вздохнула она, — но все будет хорошо...

Ее рука, затаенная в традиционную перчатку тихони, приподнялась и неуверенно потянулась к лицу Змея. Он тут же перехватил ее, поднес к губам и только в этот миг рассмотрел свой перстень, надетый поверх перчатки на палец, где его имели право носить только замужние женщины.

— Я согласен, — сглотнув вставший в горле комок, шепнул Даг, отгибая край перчатки и целуя запястье.

— И я, — тихо откликнулась она, вызвав у графа невольную, хотя и грустную усмешку. Стоило ли сомневаться, будто его глупышка вовсе не просто так показывает ему этот палец?!

— Только я сейчас выгляжу немного по-другому, — предупредил Змей, вспомнив, кого она может увидеть, открыв глаза, — и зовут меня — Тао.

— И никого из нас ты не знаешь, — сочувствующе добавил Маст и, не выдержав, осторожно поинтересовался. — Так что же там произошло?

— Глаза целы, — невпопад сообщил полукровка, утомленно глянул на герцога и пояснил: — хороший амулет. И платье хорошее, и эта ткань на лице. Им всем очень повезло... да и нам. Если бы ты шла не одна, спасения бы не было. Кто-то очень хотел убить всех.

— Немного не так... — качнула она головой, — всех приговорили, дабы скрыть одну смерть... но сейчас некогда. Я несла нить... Торемский шелк, они привяжут к ней веревку.

— Я ее обрезал, — виновато сообщил герцог, сразу сообразивший, в чем дело. — Сейчас пойду, поищу.

— Она привязана к камню, — отстраненно объяснил Алн, — там кровь, увидишь.

— Нужно привязать ее к крепкому сучку... — попыталась растолковать девушка, но ее брат снисходительно хмыкнул.

— Не учи старших. Сам знаю, как это делается. А пока не привяжу и не начну понемногу тащить, ничего не рассказывайте.

— Ладно, — фыркнула она и, на миг теснее прижавшись к груди Змея, попросила: — Зайчик, отпусти на минутку. У меня зелье есть, в кошеле на поясе, но тебе его лучше не трогать. А пока я пью, объясните, откуда вы тут взялись?

— Алн провел, своими путями, — пояснил Змей, с тревогой следя, как она на ощупь достает из кошеля флакон. — Эста, а ты уверена, что не выпьешь случайно какую-нибудь гадость?

— Они все разной формы, и я знаю их наизусть. Ведь зелье может понадобиться ночью или в таком месте, где нет света.

— Малышка, — с обманчивой мягкостью поинтересовался граф, внезапно осознав, что ни какие-то там шелковые нитки, ни обоз с бандитами, ни даже проблемы Олтерна его больше не волнуют. Вообще ничего не волнует, кроме неизвестной ему опасности. Ведь кто-то невидимый, стрелявший в Эсту, вполне мог ее убить, — а ты еще не задумывалась бросить к демону этот контракт?!

— Конечно, думала, зайчик, — подняв вуаль, нежно улыбнулась она.

— Демон, — охнул от неожиданности Змей, увидев ужасную маску, — а это еще что за жуть?

— Ткань, — коротко сообщил ему полукровка и с облегчением добавил, — все, я закончил.

— Ну да, — подтвердила его объяснение Эста, — эта маска связана из торемского шелка. Очень удобно, просто надеваешь на голову, и все. Она очень крепкая, с одного удара ножом не прорежешь.

— Скоро тебе не понадобятся никакие маски, — категорично постановил Змей, и подошедший ближе с сучком в руках Арвельд одобрительно кивнул, он думал точно так же.

— Конечно, зайчик, — и не собиралась спорить Эста, совершенно согласная с мнением Тмирны, твердо уверенной: оспорить каждое слово любимого мужчины пытаются только непроходимо глупые женщины.

А Змей ее любимый мужчина... и хотя Лэни вовсе не желала такого поворота в своей судьбе и до сих пор не может понять, как возникло в ее душе это чувство, отвергать или упускать его не намерена ни за какие блага.

— Значит, мы сейчас уходим, — обрадовался Дагорд, но вскоре оказалось, что эта радость преждевременна.

— Как? — заинтересованно спросила Эста, сделав глоточек зелья и скривившись, — а водички нет, запить?

— Держи, — протянул ей кружку Арвельд и испытующе посмотрел на напарника.

Разумеется, он был совершенно с ним согласен и тоже мечтал очутиться подальше отсюда. Но видел то, чего пока не замечал смотревший только на Лэни граф. После исцеления сестренки полукровка снова побледнел и осунулся, и вряд ли у него хватит сил их увести, даже если они бросят коней.

— Я устал, — тихо подтвердил его слова Алн, — запрещенное заклинание было очень сильным. Оно называется огненный песок. Лежит незаметно несколько дней, пока не наступит нога человека, с прилипшими к подошве песчинками. Каждая песчинка становится раскаленной, как уголек, и впивается в тело, в лицо, в глаза. Эста шла по льду, песка было очень мало. И лицо было хорошо закрыто, попало только в шею и в веки.

— Я глаза сразу зажмурила, — тихо подтвердила девушка, — последние шаги шла по памяти. И еще слышала ваше дыхание... но думала, это враги. Потом почувствовала, как кто-то снимает боль и лечит.

— Да, — подтвердил полукровка, отобрал у нее флакончик, понюхал и тоже сделал глоток, — хорошее зелье.

— А почему ты сказал... — прищурившись, осведомился герцог, — что погибли бы все?

— Это заклинание распространяется как лавина, — невесело объяснила Эста, отлично знакомая с описанием действия всех запрещенных заклинаний. — Если бы в него встал кто-то из песочников, вспыхнул бы весь песок, который они рассыпали, и пошел на отряд. Ведь заклинание было на самом краю, я уже подумала, что дошла. Когда песочники дошли бы до этого места, с той стороны начал движение обоз.

— Ты правильно сказала, злая ловушка. Огненный песок впивается во все живое. Они бы все истекли кровью, — подтвердил Алн, понаблюдал, как герцог понемногу подтягивает нить и накручивает ее на рогатину, и резко переменяет тему: — глаза открыть можешь?

— Сейчас попробую, только кровь сотру. — Девушка намочила водой платок и осторожно потерла им веки.

— Давай я, — не выдержал Змей, — не бойся, я осторожно.

— Да уже все. — Один глаз приоткрылся, и на Дага глянула знакомая яркая голубизна. — А неплохо тебя покрасили, мне очень нравится. Никакие Ивессы не станут теперь покушаться.

— Глупышка, — с трудом припомнив, кто такая Ивесса, довольно ухмыльнулся граф, — да та Ивесса даже пальчика твоего не стоит. Особенно того, на котором мое кольцо.

— Это я на всякий случай. — Тихоня закончила протирать второй глаз, и душу Змея осветил лукавый взгляд. — Спасибо, Алн, даже не чувствуется. Я думала, дольше заживать будет.

— Дагорд сильно волновался, — невозмутимо выдал Змея полукровка и довольно прижмурился, почувствовав вспыхнувшую в душе девушки теплую волну признательности и ответной нежности. — Мне это очень помогло.

Собравшийся было огрызнуться Змей захлопнул рот и промолчал, крепче прижимая к себе невесту. Впрочем, теперь уже жену, раз он не стал протестовать против ее решения, хотя и сам невероятно поражался собственной покладистости. Вряд ли хоть одна из

бывших претенденток на руку графа аш Феррез осталась бы в числе его знакомых больше пяти минут, осмелившись без его согласия объявить себя графиней.

Глава 7

— Дагорд, иди помогай, — через четверть часа позвал Змея напарник. — Не представляю, как она собиралась одна тащить эту веревку. Кстати, сестрица, а почему ты не назвала жениху свое настоящее имя?

— Не было возможности, — нежно погладив по щеке посадившего ее на плащ мужа, отозвалась она, — и теперь рада, что не было. Не нравятся мне люди, которые так легко разбрасываются смертельными заклинаниями запретной магии. И не стоит давать им лишних сведений, поэтому пусть он пока побудет Тао, а я Эстой.

Еще через полчаса сердито шипевшие мужчины вытянули, наконец, всю нить и ухватились за веревку. Хоть она и была тяжелее, но за нее можно было взяться без опасения разрезать руки до кости.

Взобравшись повыше, напарники обернули веревку вокруг одного из камней, на котором были видны когда-то вытесанные именно для этой цели бороздки и, завязав узлы, помахали обозу. Оттуда тоже махнули, как-то неуверенно, видимо, уже рассмотрели, что это не их бесшабашная пленница.

— Недоверчивые, — проворчал рядом со Змеем голос тихони, и он вмиг обернулся, свирепо зыркнул на неугомонную.

Вот куда она лезет? Еще и половину следов от недавних ран с маски и куртки не оттерла, у него от вида кровавых потеков душа переворачивается, а ей все нейдет!

— Не сердись, зайчик. — Эста покорно прислонилась к плечу Змея, и его возмущение начало стремительно таять, как масло на раскаленной сковороде. — Нам нужно торопиться. Там, в их тайном логове, сидит бешеное зло, и всего противнее, что оно притворяется чистым и светлым добром и совершенно не ценит человеческие судьбы и жизни.

— Тебе нужно отдохнуть, — мрачно заявил он, отлично понимая, кем сейчас выглядит: эгоистом, глупым упрямым и даже деспотом.

Но поделаться с собой ничего не может и не желает. Разумеется, ему жаль всех тех людей, которые сегодня могли тут погибнуть, и тех, кем играет неведомый злодей. Но свою глупышку ему жалко немного сильнее, и зубы сводит от понимания, как ей сегодня повезло. Ведь если бы они не успели прийти заранее к этому демонову леднику и им не встретился Алн, не помогли бы ни пирамидки, ни советы Тмирны. Кстати... настоятельница определенно нужно об этом знать, и это отличный способ, чтобы отправить Эсту отдыхать возле костра, с которым уже возится полукровка.

— Я сейчас пойду. — Она снова погладила его по щеке. — Не волнуйся.

— Не могу не волноваться... — Змею нравилось смотреть в ласковые голубые глаза и хотелось постоять рядом с ней еще хоть немного, но он сдержал свои чувства и заявил озабоченно: — Тмирна велела нам взять большие пирамидки и пеналы, ты сама напишешь ей обо всем или мне писать?

— Я напишу, — кивнула она, но не пошла вниз одна, а потянула Змея за собой. — Идем, скоро отвар будет, Алн травы варит. Посидим рядом, пока обозники не прибежали. Там теперь Леонидия от любопытства умирает, обязательно будет их подгонять.

— Какая Леонидия? — озадаченно уставился на девушку Дагорд, невольно вспоминая худенькую большеглазую девчонку, похожую на старинную статуэтку с ее пепельными волосами и серебристыми глазами, — та самая? Королева?

— Именно. Она все эти годы скрывалась тут и напрямую связана с попыткой переворота и с беглыми осужденными, — серьезно подтвердила тихоня, крепко держась за его локоть. — Но вот знаешь, зайчик, на мой взгляд, не хватает в ней смелости, отчаянности и силы воли, чтобы все это затеять. А Зоралда все время сидела в башне и сбежала не так давно, иначе там уже все заросло бы грязью, заставить кикимор мыть посуду и протирать пыль совершенно невозможно.

С этим выводом Змей был согласен, но говорить этого вслух не спешил. Возникло уже в душе подозрение, не просто так Эста все это ему объясняет, а подводит к какому-то выводу. И он уже даже понял, к какому, только подводится к нему не желал. Поэтому промолчал, осторожно снял ее ручку с локтя, сам крепко обнял девушку за талию и так и повел к костру, наслаждаясь ее близостью и покорностью. А на хмурый косой взгляд напарника ответил широкой улыбкой и демонстрацией того самого пальчика глупышки, на котором сиял его перстень.

— Как у вас все быстро, — не удержался и съязвил Арвельд. — А про ритуал не забыли?

— Вот вернемся домой, и все будет, — невозмутимо ответила тихоня и смело положила голову на плечо Змея, — а пока без ритуала. Но ведь он не самое главное.

— Не самое, — по инерции еще продолжил спорить герцог, на самом деле уже принявший и одобрявший в глубине души этот союз, — но как указ недействителен без печати, так и женитьба без ритуала.

— Ты стал практичным занудой, — сообщила тихоня, обвивая руками шею Змея, опустившегося на плащ и усадившего ее на колени, — даже не знаю, как мы тебе с таким характером невесту будем подбирать.

— Какую еще невесту? — поперхнулся Маст, рассмотрел лукавое веселье в глазах сестры и возмутился: — Не шути так. И не могла бы ты снять эту жуткую маску, у меня каждый раз все в желудке переворачивается, когда я ее вижу.

— Неужели ты всерьез думаешь, будто я бы ее не сняла, если бы могла? — с неожиданной печалью осведомилась Эста. — Но на это нужно время, а скоро придется снова надевать. Ведь мне нельзя показывать всем свое лицо.

— Пусть сидит в маске. — Змей еще слишком хорошо помнил, как реагировали на его глупышку бандиты, и вовсе не желал наблюдать за этим снова. — Эста права, так безопаснее, как выяснилось, эта маска очень полезная вещь.

— Ты все правильно понимаешь, зайчик, — нежно погладила его по щеке девушка, — у них тут есть обычай... жениться на пленниках. Сегодня у меня под дверью спали два таких жениха, а теперь они за это работают песочниками.

— Недолго им осталось работать, — свирепо сообщил Змей, — пусть только дойдут сюда!

— Не нужно, — еще нежнее провела она по его лицу, — они уже все поняли. К тому же одного из них для меня выбрал Кэнк... Тогда он еще не знал, что я жена его брата.

— Хотел бы я на него посмотреть, — лишь теперь Дагорд с сожалением сообразил, что Эста не по своей воле объявила себя его женой, а была вынуждена так поступить в ответ на действия бандитов, и это почему-то кольнуло душу разочарованием.

— Но это решение я приняла раньше, — склонившись к его уху, тихо призналась монашка, — намного раньше. Еще вечером... когда взяла твое кольцо.

— Эста... — светлое тепло облило душу Змея, и он с облегчением выдохнул, как все-таки с ней легко!

Не нужно ничего самому угадывать или выяснять и мучиться сомнениями, верно ли понял взгляд или знак. Глупышка сама сразу понимает, что именно его волнует, и не скупится на объяснения, не ждет, пока он сам догадается. И вообще она замечательная, ничего от жениха не требует и ни с чем не спорит, во всем его поддерживает, а если и не согласна с его доводами, то сразу говорит почему.

— А теперь я буду писать письма, — так же нежно глядя любимого по искореженному руками целителя лицу, с сожалением прошептала девушка, — а то они скоро придут, и тогда уже придется снова играть тихоню. Кстати, я вам не сказала, что приняла у Леонидии контракт на защиту в обмен на все ее тайны? Так вот, она еще не расплатилась. И нужно настоять, чтобы вы присутствовали при этом разговоре. Возможно, за мной будут следить, и я не смогу написать все, что сумею узнать, Тмирне.

— Как это... контракт?! — чувствуя, как похолодело в груди, растерянно пробормотал Змей. — Эста! Я надеялся... мы сейчас поговорим с ними и уйдем... как только Алн отдохнет.

— Прости, зайчик. Но мне нужна была ее защита, а ей моя, вот мы и договорились, сразу после ужина. Кстати, твой кузен ходит у нее в фаворитах и очень дорожит этим званием, не забывайте об этом. Думаю, ради нее он готов на многое... если не на все. И еще, если у вас две пирамидки, то лучше одну вместе с парой пеналов спрятать где-нибудь неподалеку, на всякий случай. Они вполне могут вас обыскать и забрать все, что сочтут опасным.

— Я сам займусь, — серьезно кивнул Маст, — именно так они и сделают. А вам потом покажу это место.

Герцог немедленно принялся потрошить вещевые мешки, выбирая те вещи, которые лучше приберечь, Эста, выскользнув из рук Змея, села рядом писать отчеты, а Алн прикрыл глаза, торопясь собрать как можно больше энергии, пока эти двое находятся рядом и согревают его замерзшую душу живительным теплом. Он решал для себя очень сложный вопрос, следует ли ему и дальше нарушать неписанные законы своего рода и помогать этой парочке уберечь святой дар или пора уйти своим путем? Скорее всего эльв принял бы второе решение, как делал обычно, но уж очень необычные подопечные попались ему на этот раз. Сильные, преданные, умные и выдержанные... жаль будет, если и они, как сотни других, пойдут неверным путем, потеряют в мелких ссорах, обидах и поисках выгоды или удовольствий свет, подаренный судьбой, чтобы озарять их всю жизнь.

А Змей, наблюдая за напарником, ловко раскладываящим содержимое мешков на две неравные кучки, пытался просчитать, как могут развиваться события и можно ли что-либо еще предпринять прямо сейчас? Иначе не пришлось бы потом пожалеть о непредусмотрительности.

— Маст, положи в тайник шатер и одеяло, — приказал он, дойдя в размышлениях о том, как пережить холодную ночь тому, кому понадобится запасная пирамидка, — еще зажигательных палочек, мяса и один котелок. В общем, все необходимое на случай, если нужно будет продержаться до прихода подмоги.

— Это ты правильно придумал, зайчик, — на миг оторвавшись от письма, нежно глянула на жениха тихоня, и Маст поторопился отвернуть лицо, чтобы его напарник не заметил невольной ухмылки, широко растянувшей губы герцога.

Змей был сейчас похож на кого угодно, на седого, матерого волка, хмуро озирающегося в поисках недобитых врагов, на разозленного ведьмака, изгнанного из облюбованной пещеры более сильным соперником, или на старого одинокого орла, мрачно следящего за подбирающимся охотником с вершины скалы. Но никак не на пушистого, серенького и лупоглазого зайца.

Хотя и воспринимал это прозвище с таким видом, словно это самый изысканный комплимент. А когда Арвельд, спрятав тючок с вещами в пустующей норе и надежно привалив его камнем, привел Змея показать тайник, тот вдруг попросил лист бумаги и перо.

— Свои я Эсте отдал, — пояснил он, торопливо царапая на листке небрежные строчки, — а просить назад не хочу, она очень сообразительная. Вот, отдашь матушке Тмирне, если со мной что-то случится, она сумеет все сделать, как нужно.

— Подожди... — нахмурился герцог, — ты хоть объясни мне, что это за записка?

— Завещание. И подписанное всеми моими именами пояснение, что Эста является моей законной женой, так как ритуал провел один из потомков древнего народа. Я Ална попрошу подтвердить, думаю, не откажет. Ведь эльвов полагают святыми, и их слово считается незыблемым наравне со словом жрецов.

— Хорошо, я это возьму, — думая о своем, уверенно взял бумагу герцог и не читая засунул в потайной карман, выданная Тмирной одежда имела десятки незаметных укромных местечек. — Но, по-моему, раз уж ты так решил, проще попросить его провести этот ритуал сейчас. Я буду свидетелем.

— Демон. Какой-то я стал несообразительный в последнее время, — искренне расстроился Дагорд. — Веду себя как новобранец на плацу. Ну конечно, нужно попросить, спасибо за подсказку.

— Змей, прости еще раз, — с досадой пиная камни, попросил Арвельд, шагая к прогоревшему костру, — за те пакости, которые мы устраивали в замке. Мне сейчас самому странно, почему мы поверили Кэнку, а не Геверту, ведь он считал тебя самым преданным другом, это хорошо видно со стороны.

— Забудь. Я вам должен быть благодарен, иначе мог никогда не встретиться с твоей сестрой.

Герцог хотел бы сказать, что вот как раз этого быть и не могло, но вовремя прикусил язык. Права Лэни, рано еще открывать имена и лица.

— Алн, у меня к тебе огромная просьба, — едва дойдя до костра, выпалил Змей, — я слышал, вы можете скреплять законной силой брачный союз, пожалуйста, проведи сейчас для нас этот ритуал.

— А невесту ты не спрашиваешь? — осторожно осведомился герцог, поглядывая на невозмутимо сворачивающую письмо Эсту.

— А я уже дала согласие, — не поднимая головы, кротко объяснила она.

— Когда? — не поверил старший брат, — это я минуту назад подсказал ему, что можно провести ритуал немедленно.

— А... Маст. Я все решила в тот момент, когда он спросил, возьму ли я кольцо. Я же взрослый человек и нахожусь в здравом рассудке, зачем спрашивать меня пять раз? Это король придумывает смешные указы после того, как сам чего-то нахитрил, когда привел в храм Леонидию. Они и ритуал проводили в замке Олтерна, и свидетелей было всего двое, сам герцог и Зоралда... Святая Тишина! Как я раньше не сообразила!

— Эста! — решительно прервал Змей, точно знавший, какими неожиданностями могут обернуться догадки его глупышки, — сейчас разговор про нас.

— Извини, зайчик, это привычка, — мгновенно повинулась тихоня, — Алн?! Ты проведешь для нас этот ритуал?

— Они уже близко, — с сомнением оглянулся на ледник полукровка, — очень торопятся, но попытаюсь успеть. Идите сюда.

И решительным шагом направился к самым пышным из растущих на склоне чахлых кустиков. Арвельд направился за ним, а Змей шагнул к Эсте. И не успела тихоня подняться с расстеленного плаща, как оказалась у него на руках.

— Зайчик, — и не собираясь спорить или жалостливо бормотать, как ему наверное тяжело, Эста обвила шею графа руками и прошептала, — нам нужно еще договориться об условных знаках и словах. Не нравится мне этот любитель запретной магии. Хотя, судя по мелочной подлости, этот негодяй все же женщина. И вот это хуже всего.

— Давай поговорим про нее чуть позже?! — мягко попросил Змей, пряча ехидную усмешку.

Никому бы не поверил еще месяц назад, если бы ему сказали, будто он будет нести на руках невесту на брачный ритуал, и вместо заверений в нежной любви девушка будет рассказывать ему, кто, по ее мнению, намеревался убить Олтерна и несостоявшуюся королеву Леонидию. А он, граф аш Феррез, и не подумает оскорбиться, а станет смотреть на нее с неподдельным восхищением.

— Это я просто чтобы не забыть, — кротко вздохнула тихоня, кладя голову ему на плечо.

— Входите туда, — приказал эльв, и Дагорд обнаружил свободный от веток клочок, образовавшийся между кустами — теперь встаньте лицом друг к другу, поднимите левые руки, перчатку снимите...

Молодожены быстро и серьезно исполняли все его указания, а у Арвельда вдруг сдавило горькой обидой сердце. Его единственная сестренка, Лэни, которую он считал погибшей, стоит среди полуоблетевших кустов в страшной маске напротив человека, также замаскированного под бродягу, и собирается сделать самый важный в жизни девушки шаг. Связать свою судьбу с любимым человеком. А у него, урожденного герцога Адерского, бывшего наследника и правителя целого герцогства, нет для нее не только подарка, но и букетика цветов или достойного ее наряда. Пальцы сами побежали по карманам, ища хоть какую-то безделушку, и с досадой замерли, это была чужая одежда, и в ней не могло быть ничего, принадлежащего лично ему.

— Соедините руки, переплетите пальцы, — скомандовал тем временем Алнервиэль.

А едва жених с невестой исполнили это требование, достал откуда-то тонкую гибкую лиану, усыпанную мелкими серебристыми листочками и горошинками бутончиков и ловко опутал ею соединенные руки.

Сообразив, что вторая рука у него свободна, Даг немедленно обнял ею Эсту за талию, и девушка повторила этот жест.

— Посмотрите друг другу в глаза и мысленно скажите все слова, какие вам хочется сказать, — важно произнес эльв и поднял руки, творя странные, замысловатые и изящные жесты, похожие на начертанные в воздухе руны.

Окружающие парочку кусты внезапно соединились, прильнули к ним, переплелись ветвями в тесный шатер, стремительно покрывающийся молодыми побегами и листиками.

— Ты мое счастье и удача, моя радость и нежность, моя душа и моя половинка, — сияя, шептали голубые глаза серым. — Я хочу разделить с тобой весну и осень, дни и ночи, радости и беды.

— Ты мой нежданный подарок, моя награда и надежда, моя умница и глупышка, — истово вглядывались в голубые омуты серые глаза. — Хочу отдать тебе все, что имею: и душу, и жизнь, — и получить твою любовь и доверие. И клянусь никогда не предать и не обмануть.

Откуда-то извне, из-за плотно укрывших их веток доносился негромкий, но неимоверно значительный голос эльва, мелодично читавший нараспев совершенно непонятные слова, обвивающая руки лиана обросла многочисленными побегами и вдруг разом раскрыла сотню бледно-розовых душистых светящихся цветочков.

Дурмящий аромат становился все насыщеннее, сердца жарко бились в унисон, а губы упорно тянулись к губам, напрочь изгоняя непрошеное сожаление молодожена, отчего он не выяснил заранее, когда можно будет целовать молодую жену?

— Дагорд...

— Глупышка моя...

Лиана, оплетшая соединенные руки, на миг стиснула их крепко, почти до боли, и вдруг исчезла. И сразу, как живые, расступились кусты, спешно втягивая листья и побеги.

— Поздравляю вас, — торжественно сообщил Алн и деловито добавил, — как раз успеете поцеловаться и спрятать руки. Первые обозники уже на подходе.

— Зачем прятать?! — не понял Змей, выполнив первую часть предложения и рассматривая свою жену с гордым видом собственника.

— Затем, — счастливо засмеялась Эста и покрутила перед его глазами запястьем, — большое спасибо, Алн! Я даже не ожидала, что это будет так прекрасно.

— Я тоже, — ошеломленно пробормотал Дагорд, рассматривая отпечатавшиеся на ее коже изящным браслетом листики и цветочки исчезнувшей лианы.

Глава 8

Они все-таки успели и наглухо застегнуть опущенные рукава, и повторить по три раза предложенные Эстой условные слова и знаки, и даже вернуться к прогоревшему костру и устроиться в самых непринужденных позах. Труднее всего пришлось Змею, ему нужно было не только спрятать рисунок на коже чуть выше запястья, но и стереть с лица блаженную улыбку.

Но и это удалось, едва Дагорд представил, как сейчас ринется к ним толпа отщепенцев, желающих жениться на его жене.

Мрачно уставился в сторону ледника, всем сердцем желая оказаться от него подальше, и услышал неподалеку легкий стук камня, покотившегося под чьими-то ногами. Глянул на руки Эсты, отметил, что они уже сложены накрест в условном знаке, указывающем, с какой стороны к ним крадется кто-то из воинов обоза, и спокойно повернул голову в ту сторону.

Высокий широкоплечий мужчина строго смотрел так знакомыми с детства язвительными глазами. Змею нестерпимо захотелось крикнуть: «Привет, Гарт!» и броситься к кузену, которого не видел много лет. Но он только крепче сжал губы, настороженно следя за длинным кинжалом в руках родича.

— Убери оружие, Кэнк, — мирно сказал Маст, — тут все свои. Как же вы додумались отправить девчонку одну? Повезло ей, что со мной полуэльв, залечил ее раны.

— Это им всем повезло, — допив отвар и ставя на камень пустую кружку, мелодично и строго поправил его Алн, — если бы девушка не захлопнула ловушку на себя, завтрашнего рассвета не увидел бы никто из них.

— Как это?! — встревоженно воскликнул женский голос, и из-за камня решительно выступила Леонидия. — Какую ловушку?

— Огненный песок, — строго сообщил эльв. — Приходилось слышать, потерявшая дар?

— Алн? — Даже сквозь слой белил, защищающих нежную кожу от горного солнца, стало заметно, как сильно побледнела госпожа Ниди. — Неужели это ты? Какими путями?

— Мы ходим, где хотим. — В голосе эльва проскользнула нотка высокомерия, и Эста могла бы поклясться, полукровка выказал его нарочно. — А вот вам так нельзя. Кому ты перешла дорогу, неразумная?

— А то ты не догадываешься, мудрейший, — с легкой укоризной отозвалась госпожа и, пройдя к Эсте, села рядом с девушкой. — Сильно тебе досталось? Мы видели кровь...

— Сейчас уже лучше, — прошептала тихоня слабым, безжизненным голосом, и у Змея невольно сжалось сердце. — Если бы не Алн, было бы намного хуже. У меня ведь одежда вся закрытая, угольки попали в шею и в веки. Ловушка была почти на краю ледника... я дошла до конца с закрытыми глазами.

— Если бы она не вскрикнула, мы не успели бы добежать, — поймав неточность в рассказе сестры, хмуро поправил ее Маст, — не думали, что кто-то пойдет через ледник в одиночку. Не стой, Кэнк, садись. Обоз не скоро весь перейдет.

— Откуда ты меня знаешь? — недоверчиво поинтересовался адъютант, не двигаясь с места.

— Помнишь Торем? Старого купца Ирсена? А красавиц из его гарема? Черноглазая Хайяна звала тебя — «мой тигр».

— Маст?! — недоверчиво уставился на герцога Кэнк. — Но лицо не совсем твое.

— Нашлись добрые люди, свели с целителем, — туманно сообщил Маст, — вот потому я и тут. Пообещал в благодарность отнести сюда новость, которая до этих мест вряд ли еще дошла. Король отрекся от трона в пользу сына. А Лоурден подписал всем нам полную амнистию. Знатным помилованным будут возвращать имения и дома, а если невозможно — возмещать деньгами. Судьи уже работают.

Герцог специально произнес последние фразы громко и уверенно, несколько охранников, следовавших за Леонидией, следили за ними, обступив широким кругом.

— Маст? — Еще один охранник подошел ближе. — А меня ты помнишь?

— И хорошо, громкий Орив. Но буду помнить еще лучше, если ты вернешь мне деньги за ту цепочку, что я купил для твоей рыженькой подавальщицы.

— Точно, — засиял обрадованной улыбкой охранник. — А верно, что нам амнистия?

— Это правда, — важно подтвердил полукровка, и недоверчивые взгляды остальных отверженных сразу посветлели и стали задумчиво-растерянными.

Все отлично знали, эльвы никогда не лгут, но сейчас не могли так сразу уяснить, что им теперь нужно делать? Идти назад, в королевство? А как идти, если единственный мост они разрушили?! Или все-таки дойти до крепости? Но зачем? Чтобы потом возвращаться назад, на тропу контрабандистов, и пробовать пройти через Торем?

— Лошадей привели? — оглянулась Леонидия. — Поедем в пастуший поселок. Пообедаем, подумаем. Да и Эсте нужно отдохнуть.

— Тао, приведи наших лошадей, — скомандовал Арвельд, и Змей немедленно поднялся с места.

Таков был уговор, Маст договаривается и ведет себя как командир их маленького отряда, а Даг изображает из себя нелюдимого молчуна.

— Откуда ты его взял? — подозрительно покосился Кэнк вслед вызывавшему смутную тревогу незнакомцу.

— Он давно с нами, надежный человек, — не моргнув глазом солгал Арви, хотя, если вдуматься, все сказанное — чистая правда. Смотря с какой стороны глядеть.

— Ты в седле ехать сможешь? — с беспокойством поинтересовалась у тихони Леонидия.

Когда она чем-то занималась или о ком-то волновалась, от сердца на время отступали тревога и страх. Вот и сейчас Ниди предпочитала думать о ранах этой почти незнакомой девушки, чем о ловушке, которой они избежали. Огненный песок... она читала описание и прекрасно помнит, какой ужас испытала, попробовав представить, что будут чувствовать обреченные, когда в них разом вопьется несколько сотен раскаленных иголок. Наверное, ей было очень больно, этой храброй девушке, выдающей себя за жену кузена Кэнка.

Хотя о чем это она? А сама всю жизнь за кого себя выдает? Особенно последние пятнадцать лет.

— Смогу, — помедлив, сказала Эста, намеревавшаяся потянуть время, пока Змей не приведет лошадей.

В последний момент перед тем, как девушка расслышала приближение подкрадывающихся бандитов, муж взял с нее слово, что она будет держаться как можно ближе к нему, и нарушать это слово без очень веской причины тихоня не собиралась.

— Эста, — внезапно взял ее за руку эльв, — я с вами дальше не иду. Отсюда моя дорога в другую сторону.

— Далеко? — вгляделась девушка в прозрачно-зеленые глаза и сразу поняла, что зря задала этот вопрос, он не ответит, — мы еще встретимся?

— Нет, — печально качнул он головой, — я возвращаюсь домой.

Рассказывать человеческой девушке, что он, наконец, залечил собственные душевные раны и избыл все печали, эльв не собирался, тогда придется объяснять, что ему помогло тепло их объединившихся душ. А это может изменить их отношение к нему. Алнервизель давно знал, то, что для эльвов обычное дело, восстанавливать свой покой за счет бесконтрольно выплескивающегося из людей счастья, самим младшим братьям кажется чрезвычайно предосудительным. По их мнению, пусть лучше рассеется по миру драгоценная энергия, чем вылечит душу полукровки.

— А разве ваша долина Эмаельгейл еще жива? — тихо, одними губами спросила она, но эльв услышал.

Слух его народа ничуть не хуже, чем у нее. Потому он и унесет с собой ее тайну... маленький, но важный секрет храброй девочки, за долю секунды просчитавшей страшную вероятность и мгновенно принявшей героическое решение.

— Конечно, — улыбнулся он ей так светло, как никогда не улыбался людям, — но хорошо спрятана. Прощай, храни свой дар.

— Спасибо, ты замечательный, — так же светло улыбнулась Эста, не сомневаясь, что он увидит ее улыбку сквозь вуаль и маску, ведь эльвы смотрят душой.

Алн только рассеянно кивнул, мыслями он был уже далеко, там, куда не было доступа людям, ведь они умудрялись вкус даже самого райского счастья испортить завистью, подозрениями, ревностью или злорадством. И пока у него душа настолько наполнена энергией, полученной во время ритуала, что он сможет проложить себе почти прямой путь до родной долины, нужно спешно уходить, иначе снова застрянет здесь на долгие годы. Ведь последний раз ему удалось так щедро пополнить свой резерв целых пятнадцать лет назад.

Подъезжавший к кострищу Змей скрипнул зубами, рассмотрев, как нежно белобрысый держит за ручку его жену, но, когда эльв встал и, не оглядываясь, пошел по направлению к кустам, граф отчетливо осознал, это было прощание. Взамен настороженности в его душе возникла шемяще-острая грусть, слегка приправленная горьковатым пониманием

непростительности собственных подозрений. Нестерпимо захотелось напоследок сказать этому непостижимому существу, делавшему добро не по просьбе, а просто по велению души, как Дагорд ему за все это благодарен.

И Змей не выдержал, бросил поводья двух лошадей и направил свое животное наперерез эльву. Соскочил с седла прямо перед белобрысым, пристально уставился в отстраненные прозрачные глаза и со всем жаром души выдохнул:

— Спасибо тебе, Алн, за все, и прости. Счастливого пути!

— Ваши браслеты скоро наберут силу, — невпопад произнес полукровка, впитывая щедрый дар чистосердечного порыва и думая, что теперь он сможет пройти напрямик там, где раньше намеревался сделать остановку, — вы начнете издали узнавать друг друга... береги ее.

И решительно шагнул в расступившиеся перед ним кусты.

К костру Змей ехал не торопясь, последнее предупреждение эльва следовало обдумать, а еще лучше — передать Эсте, вряд ли Алн сказал ей подобное при всех. А еще пора было решить непростой вопрос, каким способом они будут возвращаться назад, если бандиты и в самом деле уничтожили единственный мост. Хотя последнее утверждение Змей предпочел бы проверить лично. Разумеется, он верил словам Эсты, что бывшая возлюбленная Олтерна приказала обрубить державшие мост канаты, но слишком давно и не понаслышке знал методы тех, кто считал себя вправе решать чужие судьбы. И потому вполне допускал, что приказ был с заранее оговоренным двойным подтекстом и верные люди могли сделать вовсе не то, что услышали в этом указании окружающие.

— Молчун, возьми девушку в седло, — подняв Эсту на руки, приказал Маст, — вторую лошадь я отдал госпоже Ниди и Кэнку. А сзади меня может сесть кто-то из парней, вот хоть Орив.

— Угу, — нарочито мрачно хмыкнул Змей, бережно подхватывая жену, и придержал лошадь, чтобы ехать последним.

Тогда он сможет шепнуть ей на ушко несколько слов, абсолютно не предназначенных для посторонних.

Поселок пастухов оказался обычным летним лагерем, с временными хижинами, слепленными из не связанных раствором камней и кривых стволиков и крытых соломой, с громяющими вместо дверей пересохшими невыделанными шкурами. Лишь единственный дом был построен более аккуратно и добротнее, и именно к нему направил свою лошадь Кэнк.

— Стойте, — звонкий оклик Эсты вовсе не напоминал недавнего слабого голоса умирающей, но никто об этом не подумал, услышав следующие слова. — Там может быть ловушка.

— А как проверить? — разом останавливая лошадей, помрачнели мужчины.

— Я пойду, — заикнулась было тихоня и тут же почувствовала, как руки мужа, прикрытые полами плаща, стиснули ее талию мертвой хваткой.

— Я против, — резко заявил Маст, — ты же не почувствовала тот песок?! Лучше остановимся в простой хижине, все равно это удобнее, чем на улице.

— Там все было не так, — робко заспорила Эста, — когда идешь по льду, лучше шагать быстро и смело, не останавливаясь. Вот и я заметила ловушку в последний момент, когда свернуть уже было некуда. Зато глаза зажмурить успела.

Теперь, когда никто не мог выдать ее тайну, можно говорить все, что хочешь. А рассказывать правду тихоня не собиралась никому.

— У меня есть метод лучше, чем проверять твои умения, — не согласилась Леонидия, — но остановиться действительно стоит там, где советует Маст. Теперь я его тоже узнала... просто никак не ожидала увидеть здесь.

— Поверь, я и сам не ожидал, госпожа, — склонив почтительно голову, чтобы скрыть выражение глаз, признался герцог.

Змей исподтишка усмехнулся, наблюдая за новым родичем, похоже, теперь он знает, откуда у его жены такие таланты. Определенно, это у них семейное.

Выбор места для ночлега закончился скоро, как выяснилось, госпожа Ниди категорически не желала ночевать в больших балаганах, предпочитая тесноту небольшой хижины обществу прочих членов отряда.

В этот раз Дагорду пришлось волей-неволей расстаться с женой, спрыгнувший с лошади напарник забрал ее так решительно, словно являлся законным покровителем.

— Ты поосторожнее с этой девушкой, Маст, — едко усмехаясь, предостерег его Кэнк, — она утверждает, что мой кузен Даг — ее муж.

— И она не лжет, — уверенно ответил ему Арвельд, — они и в самом деле женаты. Я могу заверить, Змей обожает свою жену и прибьет каждого, кто протянет к ней лапы.

— Я это чувствовала, — потаенно вздохнув, сообщила Леонидия, — но у тебя, Маст, по-моему, было раньше о графе иное мнение?!

— Я заблуждался, — безапелляционно отрезал Арвельд, — и до сих пор об этом сожалею. Но меня сбила с толку рекомендация Кэнка, и теперь мне очень интересно узнать, за что же он так не любит родича?! Уж не за руины ли, которые Олтерн милостиво отдал его кузену? Так, думаю, Змей с удовольствием от них отказался бы, если бы не мечтал восстановить для семьи.

Привязывающий лошадей Дагорд крепче сжал зубы, все сказанное Мастером задевало самые сокровенные струны его души, и хотя лжи в этом не было, выставлять свои чувства и мечты напоказ он никогда не умел и категорически не желал.

— Пусть воины разведут костер, — попыталась скомандовать госпожа, но Эста не позволила ей взять над собой власть.

— Пусть костром займется Олив, а Молчун покараулит у входа, раз Маст говорит, что он надежный человек, — безапелляционно объявила она и, дождавшись, пока Кэнк неохотно подтвердит кивком головы ее распоряжение, продолжила, — а мы пока поговорим о делах. Пришло время, госпожа Ниди, расплатиться со мной. Сами понимаете, в нашем деле оплата — всегда вперед.

И девушка решительно уселась на топчан напротив госпожи, для которой Кэнк застелил сиденье своим подбитым мехом плащом.

— Но ведь... — заикнулась Леонидия и столкнулась с холодным взглядом голубых глаз, глядящих с жуткого лица.

— В чем дело? Я могла сегодня погибнуть вместе с вами. — Голос тихони звучал жестко, и в нем не было даже намека на недавнюю слабость. — И моя гибель осталась бы для моих сестер не только глупой случайностью, но и большой ошибкой взявшей контракт наемницы. И больше эту ошибку я повторять не намерена. Рассказывайте все подробно с того дня, как вашей кузине Зоралде пришла в голову идея выйти замуж за короля.

Глава 9

— Наверное, ты права, — помолчав с минуту, безнадежно признала Леонидия и плотнее завернулась в плащ, словно ее знобило. — Полагаю, действительно пора все рассказать. Но только не о том, будто Зоралда хотела стать королевой. Она никогда такого

не желала. И эта история началась задолго до нашего приезда в Датрон. Наверное, лет на пять раньше. Я тогда была еще почти ребенком и жила с родителями в поместье. А Зоре было уже шестнадцать, и когда в наш провинциальный Торог приехал по своим делам красавчик-герцог, она влюбилась в него с первого взгляда. Он ее тоже заметил... но ненадолго. Как только дела закончил — уехал и больше о ней не вспоминал.

Стоявший за шкурой Змей помрачнел, судя по его подсчетам, Олтерну было в тот момент двадцать семь. И если припомнить рассказы самого господина, в те развеселые годы на него толпами вешались девушки и женщины всех возрастов во всех городах и селениях, куда Олтерна посылал с поручениями король.

— Вот как, — в задумчивом голосе тихони сквозило печальное понимание, — и она не оставила мечту о нем, как это делали десятки прочих брошенных возлюбленных?

— Зора всегда была очень... сильная и настойчивая. Она потом говорила, что готовилась пять лет и сделала все для того, чтобы этот негодяй не выскользнул из ее сетей.

— Но при чем тут король? — недоуменно осведомился Арвельд. — Ей нужно было ехать к герцогу.

— Олтерн не нуждался в невесте и тем более не нуждался в деньгах, — печально усмехнулась Ниди, — а вот король нуждался. И у Зоры как раз все это было: и красота, и деньги.

Эста незаметно, не отвлекая рассказчицу, опустила прожженную в нескольких местах вуаль и саркастически усмехнулась. Надо же, как хорошо подготовилась Зоралда и как откровенно действовала! И никто из рассудительных дознавателей ничего не заподозрил, ослепленный длинным рядом нолей в цифре, обозначающей сумму ее приданого!

— И еще кое-что, кроме денег, — подождав минутку, подтолкнула госпожу Ниди к откровениям тихоня, — и вот для этого ей и нужна была свита из хорошеньких кузин. Думаю, она сделала выгодное предложение каждой из вас.

— Да... ты все правильно понимаешь. Она так правильно говорила и обещала, что обязательно поможет... почему королевой должна стать какая-то кокетка, если у Зоры получится выйти замуж за Олтерна? А своей кузине она даст очень приличное приданое и подскажет, как стать королевой. Иначе ей не с кем будет поговорить, пока муж занят государственными делами.

— И как было не согласиться, — сочувственно поддакнула тихоня, хотя на самом деле никакого сочувствия не ощущала. Не стоит сочувствовать тем, кто ради собственного блага готов попытаться обжудить судьбу, — и чем вы должны были привлечь внимание короля? Наряды и прически не в счет, у столичных дам они были намного изысканнее. Любовные зелья для короля не пропустил бы дворцовый стряпчий, на приворотные амулеты поднял бы тревогу королевский охранник медальон. Остается ведьминская ворожба, очарование оборотней и морок нечисти. Чем она привлекла к тебе короля и Олтерна?!

— Я не знаю, что это было... она сама составляла... — побледнев, как перед виселицей, тихо прошептала несостоявшаяся королева. — Но я выпила больше всех... очень хотелось жить во дворце, а не в обнищавшем поместье.

— Демон, — почти с ненавистью рыкнул Маст, и все слышавший Змей был с ним полностью согласен. — Где были королевские стряпчие, целители и хранители амулетов?

На месте были, — мог бы сказать Дагорд, но смолчал. Ведь никто ничего не заметил... и он тоже, хотя был тогда рядом с герцогом почти неотлучно. Ну а стряпчие скорее всего и не старались особо искать, ведь Георгиус заблаговременно всем сообщил о своем намерении жениться на Зоралде в первый же удобный момент. Вот только король не мог и

предположить предусмотрительности ведьмы. Она загодя все устроила так, чтобы их свадьба никогда не состоялась.

Граф осторожно выдохнул и, припомнив правила сидящего в засаде, крепко зажал зубами уголок воротника. Вскрывающаяся история становилась все более странной и скверной, и он боялся выдать себя неосторожным или возмущенным восклицанием.

— Я же говорю, она долго готовилась. Вот только никто не мог заранее догадаться, что ко мне восплачет чувствами не только король. Но хуже всего... я тоже не видела никого, кроме герцога. словно все разом померкли, лишь он стал еще ярче и красивее.

Кэнк недовольно фыркнул, но на Леонидию его недовольство не произвело никакого впечатления. Она была сейчас там, в прошлом, и видела только его, своего истинного возлюбленного.

— Леонидия, а зачем же тогда ты согласилась выйти замуж за короля? — осторожно продолжила допрос Эста.

— Так она же и постаралась... Зора. Я ведь говорила, она поклялась страшной клятвой, что заполучит Олтерна в мужа любой ценой. Кузина пошла к королю... я не знаю, какие именно слова она ему говорила, но определенно пообещала меня, если он поможет ей выйти за герцога. И Георгиус уговорил друга. А потом они поменялись одеждой... а Зора подлила мне какое-то зелье... я была как в тумане. И хотя смутно понимала, что рядом со мной перед жрецом стоит вовсе не Олт, все равно сказала — «да». И сразу потеряла сознание.

— Демон, какие дураки, — расстроено выдохнул Арвельд, начиная понимать, с чьей сумасшедшей выдумки все началось и за чье неумное желание получить вожаденного жениха любой ценой заплатил он сам и вся его семья такую страшную цену.

Не говоря уже о многих сотнях остальных мятежников.

— А потом? — мягко спросила Эста. — Как король оказался в реке?

— Я пришла в себя в карете... — нехотя продолжила рассказ Ниди. — Она куда-то мчалась, а король целовал меня и называл своей женой. И на моем пальце действительно был надет королевский перстень. Но действие зелья уже прошло, и я начала понимать, как подло они со мной обошлись. Во мне словно проснулся взбесившийся зверь. Я кричала на него, била, царапала, рыдала, пыталась выпрыгнуть из кареты, но он в ответ на все мои слова твердил признания в любви. Наконец я устала и пообещала прыгнуть с башни или в колодец или повеситься при первой же возможности. Объявила, как бы меня не караулили, жить без любимого все равно не стану. И тогда он сообщил, что Олтерн женился на моей кузине в тот же час.

Леонидия смолкла, отстегнула с пояса серебряную флягу, украшенную бирюзой, и сделала из нее несколько торопливых глотков. В хижине запахло вином.

Путники молча ждали, пока она возьмет себя в руки, начиная отчетливо понимать, сколько тайн хранит бывшая королева. И желали узнать все немедленно и до конца. Леонидия горько усмехнулась, прочтя на их лицах эту решимость, глотнула еще вина и продолжила рассказ хрипловатым, безразличным голосом.

— Когда я услышала эту новость, просто обезумела от горя. Сумела извернуться и достать его кинжал... король не мог и представить, будто я умею обращаться с оружием. Приставила себе к груди и прокляла... и его самого, и его ненавистную любовь. Он, конечно, бросился отнимать, а я успела надавить... хотя рана была небольшая, но кровь текла сильно. Король велел кучеру остановиться и вынес меня из кареты. Оказалось, неподалеку протекала река, Георгиус нес меня на руках, карета ехала сзади, а я, не переставая, призывала на его голову все мыслимые беды. И тогда он сдался. Заявил, что я

могу идти, куда хочу. Но должна взять охрану до того места, где останусь жить, в тех местах иногда встречались разбойники. Потом помог мне перевязать рану, отдал кошелек и несколько драгоценностей, я не хотела их брать, но сил спорить не было, ослабела от потери крови. Охранники посадили меня на коня, привязали к подушкам и повезли... тогда я еще не понимала куда.

— Ну, думаю, это я и сама могу теперь сказать, — хмуро вздохнула тихоня. — Не мог король позволить, чтобы его непокорная жена оказалась на свободе и ее кто-нибудь узнал. А для остальных разыграл спектакль с похищением или гибелью королевы и объяснять ничего никому не стал, решил некоторое время выждать. Наверняка самоуверенно считал, будто через некоторое время Леонидия успокоится, одумается и смирится. Не учел он только одного, чувств Олтерна. Наверняка не подозревал, что едва узнав об этом происшествии, Олтерн раскается и будет искренне переживать. И совершенно перестанет обращать хоть какое-то внимание на молодую и страстно влюбленную жену. Разумеется, Зоралда такого стерпеть не могла и наверняка не раз пыталась напоить его своими зельями. Или приворожить чарами. Думаю, все поняли, что герцогиня имеет ведьминские способности и усиленно их развивает?

— А ты очень умна, тихоня, — с преувеличенной ласковостью заявил глубокий женский голос, и в одном из дальних углов хижины проявилась сидящая на топчане крупная женская фигура.

И в тот же миг, не дожидаясь следующих слов нежданной гостьи, Эста выхватила из потайного кармана метательный кинжал и с силой швырнула ей прямо в сердце.

Раздался противный визг, фигура вскочила, закрутилась, задергалась и вдруг растаяла зловонным облачком. Ошеломленные этим внезапным нападением и его странным исходом зрители, сидевшие до этого момента молча и неподвижно, схватились за платки и воротники, стремясь уберечь свои легкие от вони. Только Эста, застыв гордой статуей, смотрела в противоположный угол, казавшийся на первый взгляд совершенно пустым.

— Неужели видишь? — насмешливо спросила эта пустота уже знакомым Эсте голосом, и Леонидия с Мастом резко вздрогнули, — какая способная девочка! Нужно будет подумать, куда тебя приспособить.

Сестра Тишины только презрительно усмехнулась в ответ. Она лгала, эта хитрая, расчетливая и безжалостная герцогиня, еще не догадывавшаяся, что в поместье герцога подписан документ о ее смерти, и теперь она будет считаться самозванкой, если попытается вернуть свое имя или имущество. Впрочем, сама Эста тоже лукавила, когда, расслышав, как сужается вокруг хижины круг из полусотни крадущихся шагов, не перестала выяснять правду про давно прошедшие события и объяснять брату и мужу свои догадки. Точно зная, что бесполезно даже пытаться сопротивляться такой куче самых преданных охранников Зоралды и малейшая попытка достать оружие ничем иным, кроме как немедленной гибелью строптивцев, закончиться не может.

Потому-то девушка и перевела весь гнев ведьмы на себя, швырнув кинжал в сидевшую под мороком кикимору, в попытке заинтересовать Зоралду, прежде чем та отдаст последний приказ. Дабы как можно дольше протянуть время, ведь, едва оценив безвыходность положения, Эста успела, пользуясь спрятанными под плащом руками и близостью пирамидки, лежавшей рядом в мешке, незаметно достать и отправить тревожный пенальчик. Самый важный и самый дорогой из всех, какие она носила с собой. В него не нужно было вкладывать письмо, он сам по себе был письмом, говорящим о том, что тихоня больше не видит ни одного из десятков обычно доступных ей способов повернуть обстоятельства себе на пользу.

— Ну это долго думать не нужно, — помолчав всего лишь пару секунд, кротко ответила Эста, чтобы не злить и без того взбешенную крушением своих планов ведьму. — Я очень многое умею. И готовить, и шить, и вязать шелковые кружева.

— А еще метать дротики, — в тон ей едко поддакнула Зоралда. — Так зачем ты, раз такая умелая и чуткая, убила мою кикимору?

— С детства их ненавижу, — печально вздохнула тихоня, — и с тех пор сразу узнаю по причмокиванию.

— То есть ты хочешь сказать, что пыталась убить не меня, — с недоверчивым смешком протянула бывшая герцогиня. — Хитра...

— Тебя я могла бы убить и сейчас, — усмехнулась в ответ тихоня, отмечая про себя необычайную молчаливость всех присутствующих и какой-то странный запах, исходящий от морока, — потому как точно знаю, где ты стоишь. За спиной у Кэнка. А вот та, кого видят все, — это очередной отвод глаз.

Она специально назвала морок отводом глаз, зная о том, что это разные по силе и степени умения чары, и точно попала в цель.

— Это морок, девочка, но поскольку в тебе нет ни капли ведьминского дара, такая ошибка прощительна. А вот простить тебе порчу моих ловушек я не могу. Но просто убивать не буду... никого из вас. Вы выдали врагам мое убежище и теперь будете выкупом... или ключами к моей новой жизни. Кэнк, свяжи всем четверым руки и выводи по одному на улицу, клетки уже ждут. Да прикрой им головы, хоть вон мешками.

Это было самое подлое наказание из всех, какие она могла для них изобрести и приготовить. Клетки для перевозки на лошадях самых опасных злодеев. Из стальных прутьев и намертво пристегнутые к особым седлам, клетки закрывались сверху крышками и запирались простым штырем, продетым в несколько петель. Его невозможно было вытащить изнутри, и потому обычно преступникам развязывали руки, заперев в этом демонском приспособлении, чтобы они могли держаться и во время скачки не разбивать себе носы о неудобную клетку. Но Кэнк или не знал о таком способе, или слишком боялся своей настоящей госпожи, только, заперев недавних собеседников, и не подумал развязать им руки.

И хотя это не могло не тревожить тихоню, гораздо больше ее беспокоило странное молчание остальных узников. С того самого момента, как она убила кикимору, ни один из них не произнес ни слова, и это не могло быть простой осторожностью. Пусть смолчал бы Змей или Арвельд, но Леонидия непременно должна хотя бы спросить кузину, за что та ее приговорила?

Ведь это только Эсте понятно, ведьма мстит Ниди за любовь Олтерна, ошибочно полагая, как, впрочем, и большинство брошенных прелестниц, будто у нее увели любимого. И никто в целом мире не сможет ей доказать простой истины, невозможно увести того, кто не желает быть уведенным. Ну, если только приворожить или очаровать, да и то ненадолго. Таково уж свойство истинной любви, со временем она стирает любые чары и снимает всякие привороты.

И раз герцог Эфройский до сих пор, как и Георгиус, мечтает о среброглазой Леонидии, стало быть, не подействовали на них никакие тайные снадобья и ведьминские заклинания Зоралды.

В путь отряд ведьмы двинулся не мешкая, и, чутко прислушиваясь к топоту копыт, тихоня вскоре определила количество сопровождающих. Вместе с пленниками десятков или чуть больше всадников, если не предположить, что еще несколько могут ехать дозором впереди отряда и в арьергарде. Стало быть, большую часть тех, кто с ней

приехал, ведьма оставила в пастушьем поселке, то ли не доверяя им до конца, то ли не найдя места бывшим подданным в своих новых замыслах.

Эста тихо вздохнула, осторожничая скорее по привычке, чем от необходимости, и задумалась. Все выясненные ею довольно важные сведения могли быть им очень полезными, если бы тихоня поверила, будто Зоралда решится продать пленников Олтерну. Ну, или их жизни. Но верить бывшей герцогине никак нельзя, она оказалась неимоверно злобной и лживой и вполне способна убить много лет верно служившую ей кузину. Наверняка нахлебавшуюся за эти годы от мстительной сестрицы и оскорблений, и подлостей, и унижений.

Лошади, скакавшие первыми, неожиданно встали, и до чуткого слуха монашки донеслось несколько тихих слов строгого приказа. Зоралда требовала от сопровождавших ее воинов отправиться в крепость короткой дорогой и выдать указания греть побольше воды, готовить ванну и комнату госпожи, сразу по приезде она намерена взяться за изгнание завладевшего телом госпожи Ниди проклятья. А еще приготовить камеры и цепи для шпионов, умудрившихся обмануть их госпожу и бросить в нее запретное заклинание.

«Как ловко!» — восхитилась Эста. Стало быть, это не сама Зоралда ведьма, а кто-то из них четверых. Ну а судя по тому, что кузину аферистка намерена выдать за потерпевшую, стало быть, на роль ведьмы определена она, сестра Тишины. Так вот почему бывшая герцогиня не сделала даже малейшей попытки посмотреть пленнице в лицо или сорвать с нее жуткую маску, о которой наверняка доложил услужливый Кэнк! И вот почему им не стали развязывать руки! Чтобы Эста не попыталась снять ее сама!

Девушка язвительно усмехнулась, прислушалась к топоту коней уменьшившегося почти вдвое отряда и принялась за дело. Спрятать руки под одежду в клетке не так-то легко, но проще, чем без оной. Приподнять полу плаща коленкой, прижать к железным прутьям и просунуть в эту щель связанные кисти рук удалось ей за пару минут. Ну а дальше уже проще. Многократно отработанным движением изогнуть тонкие пальчики, подцепить ногтем и вынуть крохотный кинжальчик, копию того, какой она подарила Змею. Затем зажать его в кулаке особым способом и перерезать хоть одну веревку. А после, постепенно подергивая обмотанный в несколько слоев кожаный шнур, освободить его настолько, чтобы выскользнула изящная кисть, неотъемное наследство бабушки-герцогини.

Ну вот и все. Теперь, чуть ослабив, можно отложить путы в сторону. Но оставить возможность в любой момент вернуть их на место, показывать все свои таланты захватчице не стоит.

Еле заметными движениями, не уверенная в том, кто именно скачет чуть позади нее, Эста стянула на груди полы плаща, сколола спрятанной за отворотом булавкой и просунула руки под прикрытием редкого грубого мешка под вуаль. В случае надобности маску можно было снять очень быстро, расстегнув за ушами незаметные крючочки. Но после этой, сотни раз проделанной ранее процедуры девушку ждал неприятный сюрприз. Оказывается, затекшая под маску и не до конца промытая кровь приклеила тонкий шелк к коже, и теперь он не желал отставать. Пришлось поплевать на пальчик и, немного смочив прилипшие места слюной, некоторое время усиленно их тереть. А потом искать у пояса кошель с зельями, доставать душистое масло и протирать уголком платка все лицо, чтобы не напугать никого видом засохшей крови. Поди докажи потом настроенным против мнимой ведьмы отщепенцам, что это кровь из заживленных эльвом ран, а не жертв! Ведь как любят рассказывать в своих байках болтливые обозники, напиться горячей крови для злобной ведьмы самое обычное дело.

Успокоилась девушка только тогда, когда от недавнего происшествия на леднике, по ее ощущениям, на щеках и шее не осталось больше никаких следов. Осторожно спрятав подальше все свои приспособления, какие хотела бы спасти от неминуемого обыска, тихоня занялась новым делом. Проковыряла против глаза в мешке маленькую дырочку и начала изучать обстановку, осторожно поворачивая голову. Попутно не переставая просчитывать возможные планы Зоралды. И когда рассмотрела, как на одной из развилок почти незаметной тропы их отряд свернул не на северо-запад, где была расположена захваченная отщепенцами заброшенная крепость, а на юг, ухмыльнулась.

Все-таки она снова их обманула, своих теперь уже бывших соратников, эта безжалостная ведьма. Отправила подальше, чтобы никто не видел и не смог потом указать, в каком именно месте она свернет к Торему. А в том, что Зоралда намерена исчезнуть, с удобством устроившись в заранее подготовленном логове, тихоня уже не сомневалась. Как и в том, что будет очень трудно найти ее в одном из многочисленных городов, поселков, дворцов или даже гаремов Торемского ханства.

Убеждена она была и в другом: пленники не нужны ведьме ни для выкупа, ни для каких-то иных целей. Слишком это опасное и ненадежное дело, торговаться с разъяренным Олтерном, молодым королем и настоятельницей монастыря Святой Тишины. И нужно быть намного глупее, чем Зоралда, чтобы польститься на мнимые выгоды от подобной сделки.

Все по той же причине не верилось Эсте и в желание использовать своих пленников в каких-либо ритуалах. Узнав об их гибели, Тмирна перевернет не только все соседние королевства и ханства, но и подземелье гномов. И найдет убийц. И постепенно у Эсты осталась всего одна догадка.

Месть, вот что давно уже стало смыслом жизни Зоралды, и ради мести она недавно приговорила к ужасной смерти не только кузину, но и всех без исключения ее спутников, даже безропотного и исполнительного Кэнка. И она не откажется ни за какие блага от своих черных планов, потому и везет Леонидию в клетке со связанными руками, лишь бы доставить сопернице как можно больше боли и унижения. А всех остальных прихватила за компанию, желая выиграть как можно больше времени и не позволить организовать за собой погоню. Ну и заодно примерно наказать за крушение своих тщательно просчитанных планов и за вот это поспешное бегство. А уж о том, какие у Зоры могут быть идеи насчет этого наказания, тихоня не хотело даже думать, ясно ведь, ведьме-самоучке неведомо даже слово — сострадание. Особенно если оно относится не к ней самой.

Значит, нужно быть готовой к любой мерзости и попытаться использовать любой, даже самый незначительный шанс в попытке опередить Зоралду и разрушить безжалостный замысел отвергнутой мужем герцогини.

Глава 10

Было далеко за полдень, когда отряд остановился на привал под каменным козырьком, нависающим над тропой, вьющейся почти по дну ущелья. Ведьма и трое охранников, считая Кэнка, спешили и занялись своими делами, поили и кормили коней, умывались, что-то ели. На сидящих в клетках с мешками на головах пленников никто из них не обращал никакого внимания и определенно не собирался ни водить в кусты, ни поить водой, не говоря уже о еде. И это невероятно злило Эсту, слышавшую, как странное оцепенение и немота наконец-то начинают спадать с остальных узников. Тихо скрипнул зубами Змей, яростно рыкнул Арвельд, горько всхлипнула Леонидия.

Ее лошадь стояла бок о бок с животным Эсты, жадно хрупая овсом, насыпанным в выдолбленную в камне чашу. Стенки их ящиков почти соприкасались, и сестра Тишины отчетливо видела опухшие руки бывшей королевы.

— Придвинь руки к стенке клетки, — приказала тихоня тихим шепотом, дождавшись, пока ведьма уйдет подальше, — узлом ко мне. Потом спрячешь под плащ.

Ее узкая кисть как раз пролезла в дыру между прутьями, и она молила удачу только об одном, чтобы не кончился овес и лошади не отодвинулись друг от дружки.

— Спасибо, — всхлипнула Ниди чуть громче. — Какая же она гадина!

— Тихо, они рядом. Ты что, раньше этого не поняла? — дорезав веревку, Эста вздохнула с облегчением. — Теперь подсунь руки под мешок и зубами помогай себе снять путы.

Некоторое время пленница с сопением и тихими стонами возилась с впившейся в кожу веревкой, потом приподняла край мешка и огляделась.

— Ниди! — возмутилась тихоня. — Опустит мешок и спрячь руки.

— Я хочу попросить... чтобы отпустила хоть на пять минут.

— Проси, — презрительно фыркнула Эста, — только не жалуйся мне потом. Я не помогаю самоубийцам и дуракам.

Леонидия немного повздыхала, повозилась, устраиваясь удобнее, но просить о чем-либо кузину так и не стала. А еще через четверть часа отряд двинулся дальше, и больше всего тихоня жалела о том, что не смогла освободить руки мужу и брату.

Ехали они почти дотемна и на последнем отрезке дороги так погоняли уставших лошадей, что Эста начала всерьез тревожиться. Хоть пропастей под тропой и не видно, зато хватает камней и участков с осыпями и крутыми берегами горной речки, и издерганная лошадь вполне может от резких окриков и ударов кнута оступить и покатиться туда вместе с клеткой и заключенным в ней человеком.

Однако пронесло. Видимо, удача была в этот день в хорошем настроении и не стала отворачиваться от и без того замученных пленников. Еще тлели осенние сумерки, когда отряд свернул к темнеющему между кустов входу в явно заброшенную каменоломню и остановился.

Охранники торопливо соскочили с коней, повели их внутрь, вспыхнул впереди в тоннеле один факел, потом второй, третий. Эста внимательно рассматривала покрытые копотью стены, считала повороты и по уверенному движению возглавлявшей отряд Зоралды все яснее понимала, ведьма чувствует себя тут как дома. Следовательно, уже давно готовила для себя это убежище и скорее всего не удержалась и понаделала здесь каких-нибудь особо гнусных ловушек или сюрпризов. И определенно, как все мстительные люди, долго готовившие кому-то гадость, мечтает насладиться видом чужих мучений. А если так, то пленникам нужно попытаться использовать эту ее слабость, чтобы спастись. Не исключено, что это единственный шанс, который им остается, потому как каменоломни — самое удобное место, где можно спрятать следы любых злодеяний.

И только в таких условиях наступает для тихони тот самый крайний случай, когда она имеет право сама убить врага, и ее монастырь всегда защитит сестру от дознавателей и судей. Вот только Эсте, несмотря на всю ее подготовку, никогда не приходилось не только убивать, но даже по-настоящему бить человека, и теперь при мысли о том, на какое действие нужно решиться, девушку поневоле бил легкий озноб.

Охранники, приведшие лошадей в просторную выработку, где по вырубленной в полу канавке текла вода, ушли заниматься своими делами, снова оставив пленников в клетках. Маст почти рычал, и в этом рыке слышались всевозможные угрозы и ругань, но от

употребления самых грязных словечек, почерпнутых за время скитаний, его сдерживало присутствие сестры. Змей же сумел сбросить с головы мешок и, обнаружив, что руки Эсты свободны, с раскаянием вспомнил про ее подарок. И теперь, шипя от злости на собственную недогадливость и неловкость, пилил веревку, еле держа опухшими и непослушными пальцами кинжал.

— Тсс, — шепнула следившая за ним Эста, — идет.

— Да пусть хоть бежит, — рыкнул ничего не видевший Арвельд, — мне уже все равно.

Однако в пещеру вошел Кэнк с одним из охранников и, наконец, принялся по одному вытаскивать пленников. Для этого лошадей подводили к каменному выступу, отстегивали седло и сдвигали его вместе с клеткой на камень. А потом, открыв крышку, так же бесцеремонно вытряхивали из нее узника.

Вскоре подошли и остальные охранники и принялись помогать товарищам. Грубо поднимали своих жертв на ноги, застегивали на поясах железные обручи, скованные между собой, и принимались за следующего узника или узницу.

Арвельд со Змеем отбивались, ругались и высказывали бывшим соратникам Маста все, что о них думают, однако отщепенцы невозмутимо продолжали делать свое дело. Связав всех узников на одну цепь, как бусины на нитку, охранники повели их прочь из конюшни, не забыв прежде насыпать лошадям овса.

Пещера, куда их притащили, была низкой, темной и запиралась из тоннеля массивной железной решеткой, определенно оставленной еще камнетесами, не пожелавшими таскать по горам такой груз. В стенах были вырублены ниши, указывающие, что когда-то тут была кладовая, а в одном углу виднелась куча старой травы и разного мусора.

Рассмотрев все это при свете факела, который стражники, уходя, оставили в тоннеле напротив решетки, Леонидия опустила на каменную полку и захлюпала носом.

— Прекрати, — строго прикрикнула на нее тихоня, доставая отмычку. — Сейчас все наладим. В дальнем углу, где сыро, сделаем отхожее место, вон валяется какая-то дерюжка, ею и занавесим, а спать устроимся возле выхода, там воздуха больше.

Первый пояс, снятый с освободившего руки Змея, тихоня аккуратно положила на пол и принялась освобождать брата, потом Леонидию. С себя она снимала цепи в последнюю очередь, решив, что утром их нужно будет надеть, не запирая. Никогда не знаешь, какая предосторожность может пригодиться, а какая — нет.

Через некоторое время, когда столь важное место было устроено и даже приготовлена постель из жалкой кучки травы, остались лишь два самых важных вопроса, мучившие всех. Как собирается поступить с ними Зоралда и где достать воды.

— И думать забудь, — пришлось Эсте снова прикрикнуть на бывшую королеву, когда та предложила купить воды за ее драгоценную брошь у одного из стражников, если он еще пройдет мимо. — Боюсь, после той воды я тебя спасти не смогу. У твоей кухни очень грязные методы. Убедились, как она с вами поступила, когда вы молчали и исполняли все ее приказания?!

— Но все чувствовали и соображали. — Змей сразу, едва они с Мاستом устроили общую лежанку, усадил девушек посередине и устроился рядом с женой. — И это было отвратительно.

— Леонидия? — оглянулась тихоня на соседку, плотнее прижавшись спиной к груди мужа и наслаждаясь его близостью. — Ты нам так и не успела утром досказать, куда тебя увезли. И откуда взялась Зоралда?!

— Все так просто... — тихо вздохнула та, — теперь, когда прошло столько лет. А тогда мне было очень трудно и ужасно обидно. В голове крутилась только одна мысль, почему он

так легко отдал меня королю? Я ведь ему предлагала тайно провести ритуал, и никакой король этого не смог бы отменить. Но он сказал... что любит меня, но не может нарушить данного слова. Для королевства очень важно, чтобы король женился на достойной девушке и перестал чудить. Я очень обиделась и ушла... а когда пришла в свою комнату вся в слезах, она дала мне успокоительное. А потом записку от Олтерна, где он назначил свидание.

— Вот тут ты врешь, — вдруг заявил Змей, обнаруживший отсутствие на голове жены ненавистной маски и исследовавший под прикрытием вуали губами нежность ее шейки, — когда он отказался жениться тайно, ты обозлилась и столкнула его с галереи, на которой вы стояли. Он спасся лишь чудом... неподалеку был адъютант, следивший, чтобы вам не мешали. Он и вытащил Олтерна, успевшего ухватиться одной рукой за столбик перил.

— Что? — охнула Леонидия, и даже в полумраке стало видно, как побелело ее личико. — Но это ложь! Чтобы я, и его... ты не понимаешь, в тот день я лучше прыгнула бы сама, чем причинила вред ему!

— Значит, она вас подслушивала, — задумалась Эста, — и выяснила невыносимую для себя истину. Есть двое достойных мужчин, король и герцог, и есть она, богатая, статная и красивая. Но они оба почему-то любят тебя. Вот тут и сказался ее подлый характер. Святая Тишина, да ведь она в тот момент почти нашла к нему дорожку, к Олтерну. Ведь если бы адъютант не ринулся спасать господина, тот неминуемо бы упал. Но не думаю, будто ей нужен был труп герцога, значит, она что-то подстроила заранее? Ведь Леонидия наверняка ей рассказывала, где у них свидание, так, Ниди?

— Ты как будто там была, — горько всхлипнула расстроенная женщина. — А я столько лет жила глупой, как курица. И королю тоже поверила, а его люди привезли меня в его охотничий домик и заперли. Король каждый день присылал мне подарки, сладости и цветы, и в букетах лежали длинные и нежные письма. Но я недолго там прожила, однажды ночью пришла Зора. Она одна не поверила в болезнь короля и приказала своим людям проследить, чем он занят и с кем разговаривает. В то время Олтерн почти все время находился возле него, и она была предоставлена сама себе. А еще Зора обнаружила в замке герцога старых слуг, семейную пару оборотней. И заставила служить себе, пользуясь тем, что, кроме нее, никто не понял, какой они расы. Вы же знаете, в нашем королевстве их почти нет.

— Кирт и Олита? — сообразила Эста всего на долю секунды раньше графа.

— Они самые. Вот они и вывели меня из охотничьего домика и спрятали в одном из помещений, которое купили на деньги кухни. Она поделила свое наследство перед тем, как выходить замуж, и часть положила в гномий банк на тайный счет. А потом начала подкупать и собирать заговорщиков... Олтерну она была безразлична, вот и завела тайного любовника... маркиза Пэгирта.

— И никто этого тогда даже не заподозрил, — с досадой выдохнула Эста, тайком хлопнув ладошкой слишком расшалившегося под прикрытием вуали Змея. — Вот теперь мне понятно почти все, кроме одного, кто сидел все эти годы в башне Олтерна? Ведь оборотни ушли оттуда вскоре после того, как герцог запер свою жену. Никогда не поверю, что они уходили одни.

— И правильно не поверишь. Они вытащили Зору через люк, в который ей опускали корзины с едой, а взамен кухня отправила очень похожую на себя селянку. Та согласилась на это за новый домик, и на ней Зора испытала свое новое зелье. Приняв его, девушка стала считать себя герцогиней и даже научилась вести себя очень похоже на кухню. Только так и не смогла отвыкнуть от привычки все время все мыть и протирать.

— Святая Тишина... — огорченно пробормотала тихоня, — а вот это мы пропустили. Считали, что это герцогиня из-за своего провинциального происхождения такая чистюля... Впрочем, и герцог тоже так думал.

Змей только тихо хмыкнул, она вообще была очень большой лгуньей, эта Зоралда, и он убедился в этом самолично еще в день ее приезда. Получил из-за нее выговор и потому терпеть не мог яркую и наглую баронессу. И очень радовался, когда через два дня после их свадьбы перебрался вместе с Олтерном во дворец короля, тот самый, где теперь правит Лоурден.

— Нужно поспать, — закончив писать письма, Эста сунула один экземпляр брату и нырнула под плащ к Змею, мигом заключившему жену в плен горячих рук и едва слышно вздохнувшему от разочарования. Совсем не так и уж точно не тут должна была пройти их первая брачная ночь. Здесь между ними не может быть ничего, кроме скромного поцелуя. Даже если бы не было спутников и охраны... слишком он любит и ценит свою жену.

Казалось, они лишь мгновение назад успели заснуть, и тела, измученные неудобными клетками, еще не успели даже немного отдохнуть на жестком ложе, а ручка Эсты уже требовательно трясла Змея за плечо.

— Зайчик, проснись! Сюда идут!

— В чем дело? — Он размышлял всего секунду, потом резко поднялся, сел, нацепил на пояс проклятую железку, слова Эсты о том, что цепи смогут помочь им притупить бдительность Зоралды, показались разумными всем им.

— Сюда идет ведьма и с нею охранники... но шагают они как-то странно, — негромко объясняла тихоня, торопливо заканчивая заплетать почему-то распустившуюся косицу и натягивая шляпку с вуалью, — а время сейчас — всего час после полуночи.

— Выспались? — едко осведомилась Зоралда, и у ног Маста звякнул ключ, — можете открыть замки, если раньше не сумели, и выходить оттуда.

— Старайтесь этим не дышать, — еле слышно шепнула Эста, ощутив исходящий от ключа знакомый по хижине запах, — на нем зелье, подавляющее волю.

— Бесплезно, от него только амулеты спасают, — успела обреченно пояснить Леонидия и смолкла, покорно поднимаясь на ноги и направляясь к двери.

— Гадюка, — яростно прошипел Арвельд, чувствуя, как его охватывает знакомое безразличие, и последовал за Ниди.

В этот момент Змей ощутил весомый тычок и обнаружил, что Эста покорно встает с подстилки следом за ними, помедлил еще мгновение, получил дополнительный и очень убедительный пинок. Этот жест мог значить только одно, Эста снова не подпала под влияние мерзкого зелья, но почему-то намерена показать ведьме обратное. Следовательно, ему нужно поступить так же, понял ее намек Дагорд и, словно по привычке прихватив с собой плащ, последовал за сокамерниками.

Охранники во главе с Кэнком, нагруженные увесистыми мешками, уже прошли в сторону конюшни, и сначала Эста решила, что сейчас узникам придется снова лезть в клетки, но ведьма свернула в другую сторону. Шла она торопливо и не оглядываясь, и с первого взгляда можно было подумать, будто Зоралда совершенно уверена в силе своего зелья, но тихоня со все возрастающим ужасом понимала, что это вовсе не так.

Догонявший их невнятный шорох, все усиливающийся и сопровождавшийся характерным причмокиванием, говорил, что вслед за пленниками неотступно следуют кикиморы, и не только они. Пару раз окативший девушку холодок, как от сквознячка, мог быть только признаком присутствия очень редкой нечисти, каменного оборотня, и вот его нужно было бояться всерьез. Он способен подчинить пленника своим единственным даром,

природным обаянием, и потом много дней водить за собой, поить и кормить, понемногу высасывая жизненную силу.

— Сзади кикиморы и оборотень. — На одном из поворотов Эсте удалось шепнуть предупреждение шедшему последним мужу, но вот заставить его уступить ей свое место девушка не сумела.

И потому меньше следила за ведьмой и тем, куда их ведут, чем за невидимой и неподкупной охраной. До тех пор, пока вдалеке не грохнуло эхо обвала и по выработке не прокатилась пахнувшая пылью волна воздуха.

— Это Кэнк завалил вход сюда, — не оглядываясь и не останавливаясь, с высокомерной язвительностью сообщила Зоралда, — а второго просто нет.

Но Эста ей не поверила. Даже близко не похожа была ведьма на самоубийцу, и все ее действия красноречиво это доказывали. Сейчас скорее нужно бы беспокоиться судьбою ее верных охранников, но после вчерашнего их бессердечия в душе тихони почему-то никак не хотел загораться огонек сострадания, несмотря на подозрение, что все они тоже были пленниками подлого зелья.

Зато там росла убежденность в жестокости и неизбежности очередной подлой интриги ведьмы. Ведь если Зора собирается уйти таким путем, о котором никто не знает и не должен знать, то вряд ли она намерена посвящать в эту тайну своих пленников, которых очень постаралась сделать своими врагами.

И, стало быть, их ждет либо участь добычи кикимор, либо еще какая-то, более изощренная расправа.

Однако тихоня ошиблась и начала понимать это, едва рассмотрев место, куда они попали.

Конец ознакомительного фрагмента